

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НЕ СТОЛЬ ОТДАЛЕННЫЯ МѢСТА СИБИРИ.

(Наброски изъ воспоминаній ссыльнаго).

I.

Мой прїѣздъ и первыя впечатлѣнія.

...Въ тихій весенній вечеръ, я съ самыми разнообразными чувствами неизвѣстности, страха и ожиданія подъѣзжалъ къ мѣсту моей ссылки. Городъ былъ еще не виденъ, даже колокольни бѣлѣли очень нѣжно, между тѣмъ, всѣ мы столпились на палубѣ и съ замираніемъ сердца напряженно смотрѣли вдаль. Любопытство было понятно. Въ этомъ городѣ многіе были обречены найти свое новое отечество, зажечь новою жизнью, новыми обычаями, прожить въ немъ остатокъ жизни и умереть.

Что это за городъ?

Пароходъ приближался къ Томской пристани. Красивые берега рѣки Томи, какъ-то весело смотрѣли послѣ неприглядныхъ, однообразныхъ и скучныхъ береговъ широкой и многоводной Оби. Хотѣлось поскорѣе выйти на берегъ,дохнуть свѣжимъ воздухомъ и расправить свои отяжелѣвшія члены. Пароходъ далъ послѣдній свистокъ, раздался зычный голосъ капитана «стопись», — и причалили къ пристани.

У многихъ арестантовъ руки невольно поднялись и творили крестное знаменіе; уста, незнавшія ничего, кромѣ ругани и проклятій на свое бездолье, творили молитву. Прїѣхалъ тюремный докторъ и началъ производить поверхностный медицинскій осмотръ. Съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждали мы конца этой формальности, задерживавшей насъ на пристани. Но, наконецъ, все кончилось, перекликали, пересчитали для всякой вѣрности; построили и повели. Кандальные шли впереди, угрюмо поглядывая изъ подъ своихъ арестантскихъ шапокъ, за ними густой

толпой тянулась партія поселенцевъ, а потомъ и обозъ съ арестантскими вещами и больными. Звонъ цѣпей и говоръ толпы составлялъ оркестръ, къ которому жители города, какъ видно, уже порядочно привыкли, и потому не обращали особенно большаго вниманія на новыхъ пришельцевъ. Погода стояла сухая, дождя, какъ видно, въ городѣ давно уже не было, и мы, тяжело ступая по разрыхленной землѣ, поднимали цѣлые клубы пыли. Я оглянулся. За нашей партіей стоялъ громадный столбъ пыли. Мнѣ припомнилась исторія добровольнаго странствованія евреевъ по пустынѣ аравійской. Разница была та, что тамъ столбъ шелъ впереди и служилъ указателемъ пути, велъ къ цѣли; у насъ же обратно—столбъ былъ позади, и мы не имѣли руководителя: мы должны здѣсь, на мѣстѣ изгнанія, искать себѣ цѣль новую, неизвѣстную...

Мы подвигались медленно по главной улицѣ города; сердобольные граждане и гражданки подходили къ кандалникамъ и одѣляли ихъ грошами и шаньгами¹. На углу улицы, около какой-то лавочки, стояли кучки жидовъ въ тѣхъ характерныхъ костюмахъ, какіе только можно видѣть развѣ въ Бердичевѣ или въ другомъ еврейскомъ городишкѣ. Въ нашей партіи было нѣсколько человѣкъ изъ этого бойкого и юркаго племени. Въ одинъ моментъ произошелъ обмѣнъ привѣтствій и пожеланій между евреями, обывателями и нашими... И пошла трескотня и лепетанье на томъ странномъ нарѣчій, какое «сыны израиля» успѣли выработать во время своихъ странствованій по бѣлому свѣту...

— Залопотали, окаянные!.. о, чтобъ вамъ!.. И тутъ они успѣли уже расплодиться! сердито ворчалъ какой-то молодой парень.

— Имъ, братецъ, тутъ не житье, а масляница! поучительно сказалъ одинъ опытный бродяга.

— Масляница? сомнительно повторилъ кто-то.

— Масляница, подтвердилъ бродяга:—видишь этотъ домъ?

— Ну такъ что-жь?

— Жидовскій! А вонъ этотъ—тоже жидовскій, дальше каменный—тоже жидовскій. Который домъ лучше—тотъ и жидовскій! Вотъ этотъ—тоже жидовскій, а жидъ этотъ со мной сюда пришелъ, года три назадъ, также вотъ, какъ мы съ тобой теперь идемъ. И бродяга, къ великому утѣшенію своихъ товарищей, началъ рассказывать всякіе случаи, доказывающіе, что ловкому человѣку и въ Сибири можно найти счастье... А большинство считало себя несомнѣнно ловкими людьми!

— Вотъ этотъ купецъ плетми дранъ былъ, говорилъ бродяга, указывая на какую нибудь лавку, теперь заводъ имѣеть...

Многіе, конечно, съ упованіемъ соображали, что они, хотя не были драны плетми, но имѣютъ отъ этого нисколько не мень-

¹ Шаньга—пшеничная булка, смазанная сметаной.

ше шансовъ пріобрѣсти въ послѣдствіи заводъ съ приличнымъ домомъ на каменномъ фундаментѣ и всякими другими удобствами. Бродягу слушали съ радужной жадностью и ободрялись; бывалый человѣкъ какъ будто понималъ и чувствовалъ это: онъ не проходилъ мимо ни одного дома, чтобы не сдѣлать какого замѣчанія на счетъ его владѣльца.

— Вотъ бѣлый домъ каменный, хозяинъ его (богатѣющій купецъ) былъ изуродованъ на грабежѣ, и такъ ему это теперь, при его богатствѣ, досадно, что онъ бы сколькихъ тыщъ не пожалѣлъ, а ничего не подѣлаешь!.. А вотъ домъ, что вдали виднѣется, такъ его хозяинъ дворовымъ человѣкомъ былъ, барина бутылкой съ ромомъ убилъ по головѣ...

Бродяга, поощряемый общимъ вниманіемъ, видимо былъ въ своей сферѣ...

— Вѣдь я тутъ, братцы, обратился онъ ко всѣмъ окружающимъ:—прожилъ въ этомъ городѣ безъ малаго пять лѣтъ, такъ ужъ мнѣ, слава-ти Господи, можно знать, кто и въ какихъ духахъ тутъ ходитъ.

Среди города протекаетъ рѣчка Ушайка, черезъ нее перекинутъ деревянный мостъ на сваяхъ. Мостъ этотъ, какъ я узналъ въ послѣдствіи, былъ выстроенъ однимъ изъ декабристовъ, Батеньковымъ.

Чѣмъ дальше мы подвигались въ глубь города, тѣмъ дома становились лучше и роскошнѣе.

— Вотъ-те и не мшоная¹ Сибирь!.. Смотри, и у насъ въ Россіи такихъ городовъ-то мало, право!.. Городъ хоть куда! разсуждалъ какой-то ярославецъ.

— И да-съ, городъ, какъ городъ, онъ и есть губернской! Замѣтила какая-то чуйка, какъ видно изъ московскихъ.

— Мало ли-съ что болтають, любезный человѣкъ. Мнѣ одна странница, что къ Иннокентію ходила, рассказывала и не есть что: выйдешь, гытъ, на улочку, копнешь палочкой, глядь и—золото!..

Въ толпѣ раздался хохотъ.

— Ну-ко-съ, копни, другъ! авось и достанешь что нибудь на бѣдность! острилъ какой-то томскій мѣщанинъ.

Мы шли мимо городского сада, называемаго здѣсь рощей. Съ рѣки потянуль вѣтеръ, и всю партію обдало такими запахами и благоуханіями, что несмотря на то, что арестанты (на что уже народъ привычный ко всѣмъ запахамъ), и то не вытерпѣли и начали ругаться.

— Ахъ, проклятые! вѣдь чуть не на дорогу вываливаютъ-то! ругался одинъ арестантъ, который шелъ ближе къ окраинѣ рва.

¹ Не мшоная—холодная, не покрытая мохомъ—не мшоная. Не утыканное мохомъ строеніе—холодно. Сибирскій холодъ именно и далъ поводъ сравнить Сибирь съ немшоновымъ домомъ, т. е. холоднымъ...

— Да! тебѣ, другъ, старушка-то правду всю сказала, замѣ-
тилъ ярославецъ.—Зо-олото!..

Усталые, измученные, наконецъ, мы пришли и въ томскій острогъ. Послѣ обыкновенныхъ церемоній передъ нами открылись тяжелыя ворота этого большого, мрачнаго и скучнаго зданія, и мы, потолкавшись немного на дворѣ, были впущены въ палаты для пересыльных. Наружность и внутренній бытъ сибирскихъ тюремъ былъ достаточно описанъ уже многими талантливыми людьми, такъ что, съ своей стороны, вдаваться въ подробное описаніе своихъ впечатлѣній я считаю лишнимъ; къ тому же, за все это время путешествія, нервы мои до такой степени устали и притупились, что, я не въ состояніи даже дать себѣ отчета во многомъ, что я видѣлъ и слышалъ кругомъ себя. Скажу только, что томская тюрьма вообще произвела на меня болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ другія тюрьмы, въ которыхъ мнѣ пришлось бывать во время моего странствованія по «владимірѣ». Той строгой дисциплины, какая существуетъ въ другихъ російскихъ тюрьмахъ относительно ссыльных, здѣсь и въ поминѣ не было.

II.

Острогъ и раздача поселенцевъ хозяевамъ.

На другой день, послѣ острожнаго завтрака, насъ всѣхъ выпустили на обширный дворъ, огороженный частоколомъ.

— Что, «ваше благородіе», обратился ко мнѣ вчерашній биографъ-бродяга:—вы, значитъ, здѣсь на привалъ?

— Да!

— Дѣло хорошее. Городъ важный; жить здѣсь нашему брату молино. Славно было я тутъ зажилъ, да не повезло!..

Бывалый человѣкъ, видимо, напрашивался на рассказъ, искалъ сочувствующаго слушателя, предъ которымъ можно бы было излить свои чувства и пріятно щекочущія воспоминанія о счастливомъ прошломъ. Онъ вообще былъ словоохотливъ, а такіе люди имѣютъ непреодолимую потребность дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими чувствами. Мнѣ надо было задать свой вопросъ уже изъ одной вѣжливости.

— Какъ такъ?

— Да такъ!.. Фарту не было. Съ первоначалу-то я жилъ тутъ хорошо. былъ биржевымъ ¹, имѣлъ двухъ лошадей и макаташку при себѣ, да злой человѣкъ подсадѣлъ!

— Что же онъ?

¹ Извозчиковъ въ Сибири называютъ биржевymi. Съ непривычки, мнѣ долго странно было слышать на улицѣ этотъ зовъ: «биржевой! эй, биржевой!» вмѣсто: «эй, извозчикъ!»

— Видите ли, подъ Тобольскомъ я съ однимъ парнемъ судьбой смѣнялся ¹.

— За сколько? спросилъ я.

— Красненькая пошла, да въ придачу плисовые шаравары... Онъ на переключкахъ сталъ зваться Артемьемъ Лебедкинымъ, а я Осипомъ Хомутовымъ. Здѣсь, въ этомъ острогѣ, мы съ нимъ и попрощались. Парню-то ужъ было не хотѣлось, да я еще синюгу ему далъ, потому мнѣ самому-то тоже не желательно было ломать путину до заводовъ. Ну, онъ и отправился въ путь-дорожку. И поселился я тутъ въ этомъ городѣ. Сначала жилъ въ рабочихъ, а потомъ отошелъ черезъ годъ, купилъ лошаденку, и началъ копѣйку зашибать:—одно слово, дѣло шло полнымъ ходомъ. Жилъ я такъ годика два-три. Только разъ я лѣтомъ съ обозными поѣхалъ на гулянье къ толчейкамъ; остановившись мы тутъ неподалеку отъ мельницы, смотрю, другъ, а мой Артюшка тутъ прямо, значить, на лицо, съ компаніей, въ кустахъ проклаждаются. Я какъ будто не узналъ его, а сердце-то у меня такъ и лупить отходную. Онъ, окаянный, подходитъ ко мнѣ, ударилъ меня по плечу.

— Здравствуй, гыть, Осипъ Петровичъ.

— Ошибаетесь, говорю, маненько обознались!..

— Нѣтъ, гыть, не на того попалъ!.. Лучше безъ грѣха, гыть, признайся, да и къ дѣлу!

— Я вижу парень взаболъ лезетъ.

— Ну, чтò, говорю, на удѣръ пошелъ?..

— Тупайко самъ, гыть, да поклюй носомъ-то на заводахъ.

— Я, другъ, такъ и замеръ.

— Чтò ты? говорю, если на тѣ хресь-то!

— Ты, гыть, Осипъ Петровичъ, антимонію-то не разводи, а лучше давай кось столбовую на дорогу, я отъ тебя отстану!

— Чортъ-те дери, думаю, отсталъ бы ты, окаянный, отъ меня. Приходи, говорю, ко мнѣ вечеромъ. Сказалъ ему фатеру, знаешь ли, и разстался. Въ вечеру уже поздно пріѣзжаю; выпимши былъ порядочно, началъ выпрягать бурку; зло меня такое взяло, думаю себѣ, такъ бы и рѣшилъ тебя чортова сына!.. А на ухо кто-то шепчетъ: ладно, слышъ, будетъ! сразу отдѣлаешься. Грѣшныя мысли заходили у меня въ головѣ. Не рѣ-

¹ Мѣняться судьбой—давнишнее зло, неискорененное и до свхъ поръ, несмотря на старанія начальства. Арестанты, мѣняясь именами, мѣняютъ и свою судьбу. Такъ, напримѣръ, Ивановъ приговоренъ въ каторгу, а Петровъ на поселеніе въ Томскую губернію. За извѣстное вознагражденіе, Петровъ соглашается называться Ивановымъ и подъ его именемъ идетъ въ каторгу. На переключкѣ же въ томскомъ острогѣ, когда выкликаютъ Петрова, выходить Ивановъ и остается въ Томскѣ. Былъ случай, что одного политическаго преступника Б., сосланнаго въ каторжныя работы, простили; но въ Нерчинскѣ подъ именемъ Б. нашли совсѣмъ неграмотнаго татарина, который сознался, что былъ приговоренъ на поселеніе, но пошелъ за Б. въ каторгу за полушубокъ и пятьдесятъ рублей деньгами.

шить ли его, дьявола? Только, слышь ты, я это къ примѣру подумалъ, а онъ, Артюшка, проклятый, черезъ загородку и лезетъ съ улицы. Я, ни говоря ни слова, подхожу это къ нему, какъ къ доброму, схватилъ камень, да какъ по макушкѣ-то ахну! онъ тутъ же у меня, какъ кошка, растинулся... не помню ужъ, что тутъ... хмѣль что ли заходилъ, одурѣлъ, одно слово, взялъ я возжи, сейчасъ за шею и поволокъ его въ конюшню, а онъ еще хрипитъ. Кровища такъ и льетъ изъ него. Я конюшню заперъ. «Завтра засвѣтло, думаю, справлюсь съ нимъ, съ навозомъ вывезу за городъ». Легъ это я, неспитя, голова такъ ходуномъ и ходитъ, а въ глазахъ Артюшка представляется. Это, значитъ, душа его начала ко мнѣ приставать! Я ужъ началъ молитву творить за упокой раба Божія Артемія... Жалко мнѣ стало парня, да ничего не подѣлаешь—своя рубашка къ тѣлу ближе! Долго ли я мучился, слышу только бьютъ гдѣ-то въ набатъ и обходные въ трещотки дупятъ. Я, какъ угорѣлый, соскочилъ, разбудилъ хозяйку и — маршъ на дворъ: гляжу, другъ мой, а сѣноваль Липата, моего сосѣда, весь въ огнѣ и вѣтеръ прямо, значитъ, на меня! ну, думаю, пропала моя головушка!.. народъ сбѣжится, а у меня въ конюшнѣ убитый Артемій лежитъ. Вижу, что дѣло плохо, народъ началъ сбѣгаться и пожарные пріѣхали... Взялъ я, другъ, своего бурку, вывелъ изъ конюшни и — маршъ безъ оглядки за городъ. Пусть ищутъ! а я тѣмъ временемъ къ утру былъ уже верстъ за двадцать. Потомъ бурку своего продалъ, потому деньги бродяжному человѣку всегда нужны, и пошелъ шататься... Прошелъ такимъ манеромъ подальше отъ Томска и явился въ Пермской губерніи; тамъ судили меня за бродяжничество; прокопѣлъ я тамъ года полтора, и въ восточную Сибирь!.. Хотѣлось бы мнѣ и повидаться съ своей хозяйкой, да боюсь обнесетъ, хуже будетъ!.. А добра у меня тутъ много останется шкуръ этакой, небось все растраницили. Такъ-съ, милый человѣкъ! вотъ что значитъ судьбой мѣняться! какъ и на кого нападешь.. грустно заключилъ бродяга. Въ толпѣ арестантовъ въ это время произошло движеніе: арестанты всѣ собиравались въ кучу.

— Что это такое? спросилъ я у своего собесѣдника.

— А это вѣрно кто нибудь изъ хозяевъ пришелъ нанимать цѣховыхъ въ работу.

Я подошелъ къ толпѣ.

— Баринъ, вамъ портного требуется, закройщика! кричалъ кто-то изъ толпы.

— Сапожника, слесаря, столяра, красильщика, кровельщика, кричали со всѣхъ сторонъ арестанты, которымъ приходилось оставаться на поселеніи въ Томской губерніи.

Баринъ этотъ, какъ я узналъ впоследствии, былъ не кто иной, какъ портной Мардохаевъ. Онъ былъ полнымъ представителемъ іерусалимскаго дворянина. Высокій, длинный, съ вьющимися, какъ змѣйки, черными локонами, онъ былъ одѣтъ

по послѣдней томской модѣ, изданной городскими франтами. Помятый цилиндръ, заломленный на бекрень, завершалъ его франтоватый костюмъ. Поигрывая и перебирая своими длинными пальцами толстую золотую цѣпочку, онъ бойко, съ іерусалимскимъ акцентомъ, разговаривалъ съ окружающими его арестантами.

— Ребята, мнѣ-зе нужно портного...

— Я—портной! высочилъ въ это время изъ толпы молодой парень съ испитой фizioноміей. Во время нашего странствованія молодой парень проигрался въ трынку, какъ грекъ, и пропился, какъ истый подмастерье.

— Ты какой-зе губерніи?

— Московскій, ваше степенство, бойко проговорилъ подмастерье.

— Московской?!.. Знаю, дружокъ мой, что это за московскіе плуты и зулики всѣ московскіе!

— Напрасно изволите лаяться, ваше свинородіе!

— Цто! цто сказалъ, подлець ты этакой?!!

Арестанты захохотали, и въ толпѣ послышалось одобреніе...

— Ловко!.. ловко онъ яго шугонулъ, право, ловко!

А парень передъ бариномъ стоялъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Я, ваше прохладительство, шивалъ и на графовъ, и на князей, что халаты продають...

— Цто ты присталъ ко мнѣ? Посолъ къ цорту, прохвость ты этакой!..

— Самъ—прохвость!.. и парень, заломивъ ловко на бекрень свою рваную шапченку, молодцовато вышелъ изъ круга.

Мелкимъ, дѣловитымъ шажкомъ подошелъ къ барину чело-вѣкъ лѣтъ около сорока. Блѣдное потасканное лицо его было чисто выбрито. Рѣдкіе длинные волосенки были какимъ-то надобьемъ намазаны и зачесаны за ухо. Арестантскій халатъ былъ надѣтъ на немъ въ одинъ рукавъ, другой свободно болтался. Арестантъ кокетливо драпировался въ свой убогій хитонъ; изъ-подъ полы халата непривѣтливо выглядывали поношенные и стоптанные арестантскіе коты. При всемъ этомъ, арестантъ не терялъ своего «форсу» и дѣловитости.

— Мы—петербургскіе-съ, шаркнувши ножкой передъ бариномъ, говорилъ арестантъ.—Все время работали по-штучно у Корпуса. Дѣло свое очень хорошо знаемъ-съ; приспособлены!.. Мы—брюч-ники!

Мардохаевъ пытливо взглянулъ на дѣловитаго петербуржца, и его опытный глазъ сразу угадалъ въ немъ ту дойную корову, которую онъ можетъ доить сколько угодно... Положимъ, что этотъ дѣловитый петербуржецъ поступить въ заведеніе къ Мардохаеву; будетъ у него работать и дѣлать загулы; пожалуй, иной разъ, когда похмѣлье ужъ больно будетъ мучить, стянетъ въ кабакъ хорошую фалду отъ фрака или свиснетъ весь при-

кладъ—нужды нѣтъ! Мардохаевъ вытрезвить его и снова посадить за работу, и будетъ этотъ несчастный дѣловитый петербуржецъ цѣлый вѣкъ работать на какого нибудь портного Мардохаева, получая послѣ праздника только на похмѣлье.

— Какъ твое имя и фамилія? спросилъ его будущій хозяинъ?

— Василій Макаровъ.

— Ну, хорошо! Пища у меня хорошая. На первый разъ, жалованья я тебѣ положу три рубля въ мѣсяцъ. Будешь работать хорошо — прибавлю. Получишь отъ меня брюки и пиджакъ теперь же...

Этотъ Мардохаевъ изъ одной партіи при мнѣ набралъ трехъ человѣкъ, руководясь при выборѣ своими тонкими еврейскими соображеніями. Такъ какъ онъ работалъ на всѣхъ сильныхъ міра сего, то ему былъ доступенъ арестантскій дворъ прежде всѣхъ, желающихъ пріобрѣсти себѣ здѣсь дойныхъ коровъ. Кромѣ Мардохаева, сюда являлись и всѣ томскіе граждане, нанимая себѣ народъ для всякихъ работъ. Одинъ зажиточный купецъ бралъ къ себѣ человѣкъ десять на кирпичный заводъ, другой на кожевенный, и всѣ эти эксплуататоры брали себѣ работниковъ за самую дешевую плату, рубля за два-три въ мѣсяцъ. Некуда дѣваться бѣдному поселенцу; и онъ волей неволей идетъ туда, куда прикажетъ начальство. Надобно правду сказать, что многимъ изъ поселенцевъ удастся черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться самостоятельными хозяевами, но многимъ приходится погибнуть, попавши въ руки мѣстныхъ эксплуататоровъ-заводчиковъ, ремесленниковъ, золотопромышленниковъ и проч.

Изъ нашей партіи, состоявшей изъ трехсотъ человѣкъ, сто были оставлены въ Томской губерніи.

Меня, какъ сосланнаго по особому преступленію, пригласили въ канцелярію губернатора, наградили инструкціями и видомъ и пустили на всѣ четыре стороны...

III.

На работъ у сибирскаго «хозяина» и генераль.

Въ карманѣ у меня было не болѣе двадцати рублей... Надобно было заблаговременно позаботиться о пріисканіи работы. Во избѣжаніе большихъ расходовъ и въ виду экономіи, я поселился на окраинѣ города, въ такъ называемой «солдатской слободкѣ», заселенной большею частью мелкимъ чиновничествомъ, мѣстными офицерами и женатыми солдатами. За семь рублей въ мѣсяцъ я нанялъ себѣ комнатку со всѣмъ продовольствіемъ: съ обѣдомъ, чаемъ, сахаромъ, бѣльемъ и проч. Такая дешевизна меня пріятно удивила. Но все-таки надобно было позаботиться о заработкѣ... Рекомендацій у меня никакихъ не было. Въ те-

ченіи почти трехъ недѣль я ходилъ и искалъ какой нибудь работы. Наконецъ, мой добрый знакомый, еврейчикъ Шварцъ, которому я заложилъ свои часы, сжалился надъ моимъ шатаньемъ...

— Время-то теперь такое тихое, еслибы вотъ осенью, тогда бы вы могли наняться къ кому нибудь на золотые промысла. А, впрочемъ, что я говорю! Вы были у Исаака Соломоновича Хузкина?

— Нѣтъ, не былъ. Кто же онъ такой?

— Онъ изъ нашихъ! У него большія дѣла; человекъ онъ добрый, у него для васъ всегда найдется мѣсто. Онъ всѣхъ беретъ... Отправляйтесь къ нему сегодня же. А то онъ скоро уѣдетъ на заводы и тамъ долго проживетъ...

Я поблагодарилъ еврейчика и отправился къ «доброму» Исааку Соломоновичу. Онъ жилъ на главной улицѣ города; домъ его оказался уже мнѣ знакомымъ. Бывалый человекъ, на пути съ пароходной пристани къ острогу, далъ мнѣ небольшое понятіе объ Исаакѣ Соломоновичѣ... Низменный деревянный домъ съ зеркальными окнами былъ роскошно меблированъ, но вся эта роскошь страдала отсутствіемъ всякаго вкуса.

— Позвольте узнать, обратился я въ передней къ какому-то молодому еврею:—Исаакъ Соломоновичъ дома?

— Они заняты; подождите немножко, я сейчасъ пойду доложу.

Цѣлый часъ мнѣ пришлось простоять въ передней «добраго» Исаака Соломоновича. Изъ кабинета его до моего слуха доносились какія-то взвизгиванья, ругань и щелканье костей на счетахъ.

— Мосенникъ этакой! воръ! посоль вонъ!..

— Самъ ты—воръ, а не я!.. слышался чей-то грубый голосъ.

— Псоль!.. цтобы твоего духу не было!..

Изъ кабинета вышелъ молодой парень, какъ видно, приказчикъ Исаака Соломоновича. Лице его было красно, губы судорожно передергивались и тряслись: видно было, что онъ находился въ возбужденномъ состояніи.

— Пархатина этакая! молись Богу, что мало попало, а то я бы тебя не такъ нагрѣлъ!.. ругался малый. Вы не занимаетесь ли пришли къ нему? спросилъ онъ меня.

— Да.

— Охота же вамъ связываться съ мошенникомъ. Онъ вамъ жалованья ни копѣйки не будетъ давать!.. Онъ со всѣми такъ!

Меня какъ варомъ обдало отъ такой рекомендаціи. Въ это время вышелъ молодой еврейчикъ.

— Пожалуйте сюда! обратился онъ ко мнѣ. Я вошелъ въ кабинетъ; за столомъ, заваленнымъ различными счетами и конторскими книгами, въ высокихъ креслахъ, сидѣлъ Исаакъ Соломоновичъ Хузкинъ; въ его зубахъ дымилась гаванская сигара.

Это былъ человекъ лѣтъ сорока-пяти. Черные курчавые волосы въ беспорядкѣ падали на его широкія плечи; черные плутоватые глаза бойко выглядывали изъ подъ широкаго морщинистаго лба.

— Что вамъ угодно, молодой человекъ?

— Я пришелъ искать у васъ какой нибудь работы.

— Что-же, можно! Вы, конечно, знаете счетную часть? Хорошо-съ, я сію минуту это узнаю... При этомъ пухлая, жирная рука Исаака Соломоновича протянулась къ серебряному колечку. На звонокъ явился молодой еврей.

— Сенька, позови ко мнѣ генерала, скажи ему, что я требую его по нужному дѣлу, важно, съ достоинствомъ проговорилъ Исаакъ Соломоновичъ. Я не могъ понять, что это за генералъ, котораго Исаакъ Соломоновичъ требуетъ къ себѣ. Какая связь между генераломъ и ожирѣвшимъ евреемъ?

— Сейчасъ придетъ генералъ; я спрошу у него, есть ли у меня въ конторѣ какое нибудь для васъ свободное мѣсто?

— Что же вы не садитесь, молодой человекъ? Садитесь, пожалуйста, не стѣсняйтесь, одобрительно покачиваясь въ креслахъ, говорилъ мнѣ Исаакъ Соломоновичъ.

Минутъ черезъ десять, въ комнату вошелъ мужчина средняго роста, лѣтъ 45, выбритый и вычищенный, какъ настоящий департаментскій чиновникъ. Большіе сѣрые глаза насмѣшливо перебѣгали съ одного предмета на другой.

— Здравствуйте, генералъ! Мнѣ нужно узнать, нѣтъ ли у меня въ конторѣ свободнаго мѣста для этого молодаго человека?

Генералъ смѣялся меня съ ногъ до головы.

— Вы, вѣроятно, пришли сюда съ партіей?.. изъ университета? говорилъ насмѣшливо генералъ, какъ бы желая меня сразу уничтожить подобнымъ вопросомъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Такъ-съ!.. У меня для васъ мѣсто найдется.

— Не у васъ, а у меня! перебилъ его Исаакъ Соломоновичъ.

— Жалованье вамъ назначить г-нъ хозяинъ. Вы приходите завтра утромъ въ контору—и къ дѣлу, не слушая Хузкина, сказалъ генералъ.

— Жалованье я вамъ положу на первый разъ 15 рублей. Будете заниматься хорошо, я прибавлю. До свиданья, молодой человекъ! При этомъ, Исаакъ Соломоновичъ не безъ достоинства, слегка кивнулъ мнѣ головой, какъ истый министръ.

Аудіенція кончилась.

Я вышелъ изъ кабинета отъ Хузкина, ничего не понимая. Какимъ образомъ генералъ находится въ услуженіи у разбогатѣвшаго жидка?

На большой улицѣ мнѣ встрѣтился тотъ самый малый, который не совѣтывалъ поступить на службу къ Хузкину.

— Ну, что? Съ чѣмъ имѣю честь поздравить?

— Не знаю... невесело отвѣчалъ я.

— Кто это васъ натакалъ идти къ этому проклятому Хузкину? Я указалъ на Шварца.

— Такъ и есть!.. Вѣдь вотъ они какіе, эти жида! Другъ другу во всемъ помогаютъ. До чего у нихъ недойдетъ,—сейчасъ начнутъ всѣ сообща работать. Знаютъ вѣдь, что у Хузкина народъ не живетъ, они и подсылаютъ къ нему новичковъ!..

— А вы разсчитались?

— Какое разсчитался? Здѣсь съ ними только по-разбойнически можно разсчитываться! чтò урвалъ—то и ладно! — Разсчитался!.. Разсчетъ короткий!.. Просто прикарманишь хозяйскія деньги, да и шабашъ! Помилуйте-съ, какой же съ нимъ, жидомъ, разсчетъ можетъ быть? Жалованье за восемь мѣсяцовъ неотдаетъ; а вѣдь каждому пить-ѣсть хочется. Ну, хотя бы одинъ разъ, а то вѣдь я у него горе-то мыкалъ три года, и это безъ ругани, скажу вамъ, ни одинъ разсчетъ не проходитъ. Ну возьмишь и прикарманишь, сколько причтется. Ругается, а потомъ—ничего. Вотъ нынче я его немножко какъ бы пообидѣлъ. Сотни двѣ хватилъ лишнихъ и по квитался; ну его къ чорту!..

Вообще отзывы о моемъ хозяинѣ были самые неодобрительныя; тѣмъ не менѣе я рѣшился попробовать послужить у него. Да больше и дѣлать было нечего: все равно, другаго мѣста не имѣлось въ виду и приходилось сидѣть сложа руки. «Послужу на авось!.. а обманетъ меня—я не буду въ большой потери!». Съ этой мыслью, просто хотъ чѣмъ нибудь заняться, даже безъ разсчета на вѣрное вознагражденіе, я аккуратно явился къ генералу и принялся за работу, несмотря на то, что слухи о разбойничьей манерѣ получать у Хузкина жалованье, кто чтò урвалъ, то и ладно—воочію подтвердились.

— Гдѣ же еще семьдесятъ пять рублей? бѣсится бывало хозяинъ.—Ты ихъ, воръ, уворовалъ?!!...

— Уворовалъ, спокойно отвѣчаетъ прикащикъ.

— Тыфу, тыфу, тыфу! Воръ! воръ! воръ! Пошелъ къ чорту!

И—разговоръ коротокъ. Прикащикъ уходитъ къ своему дѣлу, а хозяинъ тоже спокойно начинаетъ заниматься своимъ дѣломъ; о воровствѣ прикащика, которому не платится жалованье, поругавшись ради приличія и для очистки совѣсти, онъ тотчасъ же забываетъ. И Хузкинъ, и его служащіе знали, что это—единственный способъ разсчета и получки жалованья, и «воровство», и брань по поводу его были явленіемъ очень обыденнымъ, на которое никто не обращалъ никакого вниманія.

Непосредственный мой начальникъ въ конторѣ Исаака Соломоновича былъ Петръ Петровичъ Бруккеръ—иначе—генералъ. Чтобы дать надлежащее понятіе читателю объ еврейскомъ «генералѣ», нужно сказать, что Петръ Петровичъ былъ однимъ изъ тѣхъ «ташкентцевъ», которыхъ такъ рельефно описываетъ Щедринъ, и дѣйствовалъ на административномъ поприщѣ, но въ одно прекрасное утро здѣсь все оборвалось и лопнуло. А славно

было зажилъ Петръ Петровичъ въ Томскѣ. Приѣхалъ онъ изъ Петербурга, голодный, какъ волкъ, съ страшнымъ, кровожаднымъ инстинктомъ «жрать», рвать съ живаго и съ мертваго, не давать никому пощады. Съ голодной утробой онъ занялъ важный, административный постъ.. Надо было сдѣлать приличную обстановку на счетъ дойныхъ коровъ: и вотъ Петръ Петровичъ, занявъ квартиру, соответствующую его званію и достоинству, устремилъ прежде всего свои хищническіе взоры на прекрасную пару лошадей, принадлежащихъ купцу Балину. «Привлечь», думалось ему. И, черезъ нѣкоторое время, у Петра Петровича очутилась самая лучшая пара лошадей въ городѣ. «Я беру у васъ лошадей на время, куплю своихъ—возвращу вамъ съ благодарностью»; но, должно быть, красивый бѣгъ тысячныхъ жеребцовъ ужъ очень «привлекъ» вниманіе важнаго администратора. Такъ они у него и остались.

Это былъ его дебютъ. Пошло дальше, а чѣмъ дальше въ лѣсъ—тѣмъ больше дровъ... Сибирь—первобытная страна съ напуганнымъ населеніемъ, передъ которымъ всякія церемоніи столь же излишни, какъ съ новозеландскими дикарями. И администраторы здѣсь дѣйствительно не церемонятся... Бруккеръ былъ ни хуже, ни лучше другихъ. Онъ приѣхалъ въ далекую окраину на возможно короткое время, чтобы зашибить копѣйку на черный день, *покормиться* и какъ можно скорѣе воротиться въ Петербургъ съ блестящими средствами къ жизни... Онъ не можетъ быть неторопливымъ въ наживѣ, не можетъ упустить ни одного случая, не можетъ брезговать никакой возможностью скорой добычи.

Какъ то онъ узналъ, что у настоятеля монастыря, подъ кроватью, въ старомъ сапогѣ лежитъ много, много, много... «Привлечь!» думаетъ администраторъ и ѣдетъ въ одинъ праздникъ съ визитомъ къ настоятелю. Улучивъ удобную минуту, когда настоятель вышелъ въ другую комнату, Петръ Петровичъ «увлекъ» многое изъ стараго настоятельскаго сапога...

— Господи, что же такое дѣлается?.. Святую обитель не пощадилъ! шепотомъ другъ другу передавали свои сѣтованія томскіе обыватели.

— А жидамъ пощады не давать!! въ какомъ-то пьяномъ упоеніи кричалъ не на шутку расхोдившійся генералъ.—Я вамъ!.. я вамъ задамъ!.. Будете вы меня помнить!

Но тутъ случилось одно странное обстоятельство.—Кто то изъ обывателей далъ знать куда слѣдуетъ. «Не пора ли ужъ этого генерала на отдыхъ?—Надо и другому дать случай поживиться»... Страшная метаморфоза!.. Куда преклонить генералу свою удалую голову?—И вотъ онъ несетъ ее цѣликомъ со всѣми административными атрибутами въ услуженіе богатому еврею.—«Мозно, это—голова хорошая!» Онъ поступаетъ на службу въ контору Хузкина.

Центральная контора, завѣдывавшая всѣми другими конторами

Исаака Соломоновича, помѣщалась въ трехъ комнатахъ. Въ такъ называемомъ конторскомъ присутствіи возсѣдалъ на председательскомъ креслѣ еврейскій «генераль» — Петръ Петровичъ Брукеръ. На немъ, кромѣ разныхъ обязанностей по торговой конторѣ, лежала еще обязанность адвоката Исаака Соломоновича. На поприщѣ адвокатуры болѣе всего и подвизался Петръ Петровичъ, потому что у Хузкина, едва одни дѣла кончались, другія уже начинались. Имѣть при себѣ постояннаго «ходатая» и управляющаго конторой за какія нибудь двѣ тысячи для Исаака Соломоновича было находкой. Другому управляющему конторой онъ могъ бы, конечно, дать и поменьше; но тутъ дѣло шло не объ одной работѣ; богатому еврею не могло не льстить то, что у него на посылакахъ находится генераль... И вотъ, бывало, сидитъ генераль на своемъ председательскомъ креслѣ, разсматриваетъ всевозможныя конторскія книги, сметы и счета.

Мальчикъ приносить къ нему отъ Исаака Соломоновича счета и сметы, представленные генераломъ на благоусмотрѣніе. На листкѣ, приклеенномъ къ сметѣ, красуются каракули: «Смѣту сію утвержаю, кредита не разрѣсаю», пишетъ бывало Исаакъ Соломоновичъ. Заскрипитъ зубами генераль, какъ старый волкъ, но ничего не подѣлаешь...

— Пожалуйте къ барину! вбѣгаетъ къ нему Сенька, и генераль, понутивъ свою голову, смиренно идетъ на зовъ *хозяина*... Что происходило въ это время въ душѣ генерала — судить не берусь, потому что генераломъ не былъ...

Въ конторѣ Хузкина я занимался четыре мѣсяца и, сколько я ни старался, не могъ понять еврейской механики и бухгалтеріи. Здѣсь, занимаясь за однимъ столомъ съ однимъ мѣщаниномъ Василиемъ Панкратьевичемъ, я узналъ отъ него и понималъ механику, благодаря которой Хузкинъ и другіе жида города разбогатѣли и богатѣютъ.

— «Крупкой» торгуютъ! по секрету сообщилъ мнѣ нозый знакомый.

IV.

Скупка краденаго золота. — Старая администрація.

Слово «крупка» на языкѣ сибирскихъ хищниковъ означаетъ краденое золото — розсыпь, золотой песокъ.

Въ октябрѣ, въ день Покрова, всѣ рабочіе на золотыхъ промыслахъ получаютъ расчетъ и партіями, человекъ въ триста, четыреста и пятьсотъ, направляются черезъ таѣжную дорогу въ Енисейскъ (если это происходитъ въ сѣверной системѣ) или (если въ Томской тайгѣ) въ Томскъ. — Агенты томскихъ комерсантовъ къ этому времени направляются въ Енисейскъ, Маріинскъ,

и вообще въ тѣ пункты, куда стекается удалая пріисковая вольница. Здѣсь, подъ видомъ торговцевъ лимонами и гнилыми яблоками, какъ это дѣлалъ агентъ купца Куркина, или подъ видомъ шарманщика, или, наконецъ, подъ видомъ настоятеля дома терпимости, агенты эти начинаютъ скупать «крупку». Многіе изъ томскихъ комерсантовъ, недовѣря своимъ агентамъ, сами отправляются въ Енисейскъ и, проводя тамъ время за картежной игрой, между прочимъ скупаютъ краденое золото.—Конечно, не всѣмъ рабочимъ удастся уносить съ собой съ золотыхъ промысловъ «крупку»: большинство уходитъ съ пустыми руками, не получивъ при расчетѣ ни копѣйки. Всякое дѣло мастера боится, и за это берется не всякій: нужно съумѣть схоронить *крупку* во время дороги отъ злого досужаго человѣка и съумѣть продать ее хорошему, *честному* скупщику, который не сдѣлалъ бы подлости: не крикнулъ бы полицію и, пристращавъ судомъ, не отнял бы золота задарма.

И вотъ, какой нибудь ловкій мужикъ Прокопъ Ѳедотовъ, при случаѣ всегда имѣющій деньгу ¹, скупаетъ «крупку» на промыслахъ у рабочихъ, которымъ судьба даетъ случай найти ее въ формѣ самородка въ нѣсколько золотниковъ (бываетъ, что рабочіе перепродаютъ самородки и въ полфунта вѣсомъ), и потомъ, послѣ расчета, этотъ Прокопъ Ѳедотовъ уноситъ это золото, въ туяскѣ ², въ Енисейскъ. Для такой переноски дѣлаются особые туяски: двойное дно и двойныя крѣпкія берестянные стѣнки туяска даютъ возможность уносить рабочему фунта по полтора и по два. Туясочекъ обыкновенно бываетъ небольшой, привязывается къ кушаку и, такимъ образомъ, проносится благополучно до Енисейска, не навлекая никакихъ подозрѣній.—Нѣкоторые изъ рабочихъ проносятъ *крупку* въ двойныхъ поясахъ, въ подошвахъ; другой на голеннище пришьетъ заплату и туда спуститъ золотниковъ десять; проносятъ также и въ шапкахъ, набитыхъ бумедью. Въ Енисейскѣ этихъ контрабандистовъ поджидаютъ агенты разныхъ комерсантовъ и сами комерсанты.—Бываютъ такіе случаи, что ловкій агентъ приметъ *крупку*, свѣситъ ее на вѣсахъ, а денегъ не отдаетъ: иди, пожалуй, говоритъ, если хочешь, жалуйся. Весьма понятно, что жаловаться немыслимо. За продажу золота въ другое мѣсто, кромѣ казны, законъ наказываетъ каторгой. Всякій золотопромышленникъ обязанъ вести свое золото въ Бар-

¹ Въ послѣднее время появились даже спеціальныя скупщики краденаго золота на пріискахъ, такъ называемые спиртоносы, которые, навьючивъ нѣсколько лошадей бутылками со спиртомъ, останавливаются въ близи пріиска вооруженные револьверами и начинаютъ обмѣнивать спиртъ на золото, которое тащатъ къ нимъ пріисковые рабочіе, всегда готовые выпить. Пріисковая администрація очень зла на этихъ спиртоносовъ, но револьверы послѣднихъ слишкомъ внушительны для того, чтобы противъ нихъ, безъ риска, можно было употребить такіа орудія, какъ нагайка, батынъ или дубина...

² Туясъ, Туясоль—берестянная банка, буракъ.

науль и сдать его тамъ въ казну; для сплава и представленія въ Петербургъ. Въ огражденіе того, чтобы золото не переходило черезъ частныя руки, помимо казны, за границу, кромѣ строгаго наказанія, назначена еще плата за доносъ. Донощикъ на владѣльца розсыпи получаетъ 3 руб. 50 коп. съ золотника: т. е. ту же плату, какую выдаетъ казна за золото—промышленнику, въ Барнауль. Въ контрабандной продажѣ, еврей, покупая золото у рабочаго, рѣдко даетъ ему больше рубля за золотникъ. Можно думать, что прямая выгода рабочаго, продавши золото еврею, тотчасъ же донести на него; найдя у еврея золото, его посадятъ въ острогъ, а донощикъ получитъ сверхъ рубля, еще три съ полтиной съ каждаго золотника изъ казны. Этотъ доносъ можетъ быть вызванъ еще и тѣмъ, что еврей часто, взявъ золото, неотдаетъ денегъ: «иди, жалуйся!» Но если бы какой нибудь рабочій и вздумалъ донести, что у такого-то жида есть несплавленное золото (золотая крупа), то всѣ знаютъ, что дѣло кончилось бы наказаніемъ плетью донощика и крупной взяткой съ жида... Жидъ всемогущъ, и неслыхано, чтобы кто нибудь доносилъ о золотѣ и получалъ награду за доносъ, хотя законъ объ этомъ существуетъ болѣе пятидесяти лѣтъ. Дѣло въ томъ, что операція контрабандной покупки золота производится не безъ вѣдома мелкаго начальства, которое находитъ въ этомъ источникъ своего личнаго дохода. Многіе изъ рабочихъ золото приносятъ въ Томскъ и здѣсь сбываютъ самимъ коммерсантамъ. Впрочемъ, не одни только рабочіе переносятъ драгоцѣнный металлъ: многіе изъ служащихъ на золотыхъ промыслахъ занимаются этими прибыльными, а иногда рискованными операціями.

Разъ, подойдя зачѣмъ-то къ кабинету Исаака Соломоновича, я въ полуотворенную дверь сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ довольно забавной сцены. Еврей сидѣлъ въ своихъ креслахъ, держа въ рукѣ маленькіе аптекарскіе вѣсы, которыми игралъ, какъ играютъ часовой дѣпочкой. Передъ нимъ стоялъ молодой парень, матеріальный съ 3—скихъ приисковъ, котораго я видалъ какъ-то въ нашей конторѣ. Матеріальный смотрѣлъ злобно и недовѣрчиво до растерянности.

— Ну-съ, давай сюда! я посмотрю твою *крупу*! говорилъ Исаакъ Соломоновичъ.

Молодецъ бережно вынулъ изъ кармана своихъ плисовыхъ шароваръ большой кожаный кисетъ, распустилъ и досталъ свертокъ.

— Вы ужь, Исаакъ Соломоновичъ, вѣсьте какъ слѣдуетъ?

— Что же ты меня учить думаешь?! Развѣ я обманывалъ тебя?!

— Да вотъ посмотримъ, какъ вы рассчитаетесь, Исаакъ Соломоновичъ! загадочно заговорилъ молодецъ. Еврей бросилъ на него безпокойный, пытливый взглядъ.

— Вѣсьте же! нетерпѣливо говорилъ молодецъ.

— Ну, сейчасъ, не торопись! Исаакъ Соломоновичъ осторож-

но сыпалъ желтую блестящую крупку на вѣсы, потомъ взялъ маленькую щеточку, смахнулъ съ бумажки даже пылинки, не замѣтныя, можетъ быть, для глаза. Глаза еврея горѣли, какъ у влюбленнаго, руки слегка дрожали.

— 95 золотниковъ и три доли, хрипловатымъ голосомъ прошипѣлъ Исаакъ Соломоновичъ.

Молодецъ досталъ изъ кармана какую-то засаленную бумажку. Между тѣмъ, комерсантъ быстро сыпалъ золото въ стеклянную трубочку и заперъ въ столъ.

— Съ васъ, Исаакъ Соломоновичъ, причитается заполучить еще за прошлые разѣ...

— Что заполучить?

— Да деньжонокъ бы нужно...

— Какія деньги и за что?

Парень быстро поднялся съ мѣста, вынулъ пистолетъ и принялъ угрожающую позу.

— Вотъ что, Исаакъ Соломоновичъ! оставь ты свои шутки, а со мной сдѣлай расчетъ какъ слѣдуетъ.

— Полно! что ты? разбойникъ, я закричу!

— Только ты пиени, Исаакъ Соломоновичъ, я, ей-богу, всажу тебѣ пулю въ лобъ. Потому мнѣ, значить, пропадать все равно: закричишь, — меня и тебя возьмутъ; не разочтешься, ну, ей богу же, убью!..

Исаакъ Соломоновичъ не много оправился.

— Ну, что за сутки съ пистолетомъ! Брось его или дай мнѣ сюда. Расцотъ будетъ сдѣланъ.

— Нѣтъ ужъ, любезнѣйшій, я съ тебя потребую за золотникъ по три рубля, а не то...

Парень навелъ дуло пистолета на жида.

— Ну, что же, я разчитаюсь съ тобой сейчасъ же! Воръ, поганецъ, разбойникъ...

Такія сцены, какъ я узналъ, были очень обыкновенны; безъ этого Исаакъ Соломоновичъ рѣдко рассчитывался. Появленію на сцену пистолета онъ, повидимому, нисколько не удивился и не испугался. Плюясь и ругаясь, онъ отворилъ столъ и началъ отсчитывать деньги.

— Полуци, разбойникъ! И—вонъ съ глазъ моихъ пошелъ!

— Благодаримъ покорно!

Все это для меня, какъ для новаго человѣка, было, несомнѣнно, очень дико, но потомъ все примелькалось.

Всѣ знали о продѣлкахъ Хузкина, знали, что этотъ человѣкъ, при расчетахъ, готовъ обсчитать отца родного, и всѣ добродушно улыбались.

— Пушай его, дьявола!.. Не наше дѣло!.. говорили томици.

Въ самомъ дѣлѣ: кому какое было дѣло до коммерческихъ оборотовъ купца Хузкина? Кому слѣдовало обращать вниманіе на злоупотребленія, тотъ какъ будто ни чего не видѣлъ, точно на томскій административный персоналъ нашла куриная слѣпо-

га. — Впрочемъ, при полицеймейстерѣ Хапаловѣ для подобныхъ комерсантовъ, какъ Хузинъ, операціи съ «*крупкой*» были не такъ безопасны и сопровождались большими тратами для «подмазки» этого дѣла. — Однажды, полицеймейстеръ Хапаловъ узналъ, что у еврея Пыжика гдѣ то на дому спрятана въ большемъ количествѣ *крупка*. Нужно было эту *крупку* во что бы то ни стало отыскать. Но несмотря на то, что Петръ Кузьмичъ Хапаловъ былъ «молодецъ» по сыскной части, ему все-таки «*крупка*» въ руки не давалась; онъ и придумалъ такого рода комбинацію: у Пыжика была дочь, дѣвица очень красивая; Хапаловъ вздумалъ избрать ее средствомъ для открытія золотого ларчика. Онъ очень часто сталъ бывать у Пыжика, началъ ухаживать за его дочкой; а такъ какъ полицеймейстеръ Хапаловъ былъ мужчина очень красивый и порядочный ловеласъ, то, конечно, хорошенькая еврейка скоро попала въ поставленную ей ловушку и вполнѣ отдалась ловеласу-сыщику. Хапаловъ въ интимной бесѣдѣ съ молодой еврейкой узналъ, что Пыжикъ прячетъ «*крупку*» во дворѣ въ одномъ столбѣ, служившемъ подпоркой для перекладкины. Собравъ въ одинъ вечеръ понятыхъ, ловкій Хапаловъ явился во дворъ къ Пыжику, спилилъ столбъ и конфисковалъ золото. — Конечно, это дѣло для Пыжика стоило очень дорого: Хапаловъ разорилъ его, какъ говорятъ, до нитки. Съ своимъ «подручнымъ», Васькой Прохвостовымъ, частнымъ приставомъ, котораго томскіе обыватели иначе не зовутъ, какъ «Васькой», Хапаловъ ради корысти продѣлывалъ и не такія вещи. — Къ богатому купцу Ризкину Хапаловъ подослалъ фискала, который, забравшись въ домъ, подсунулъ въ какое-то мѣсто пачку фальшивыхъ ассигнацій. Въ одну прекрасную ночь, полицеймейстеръ Хапаловъ пріѣхалъ къ Ризкину со всей «аравушкой», произвелъ обыскъ, нашелъ «фальшивки» и, обобравъ купца такъ, какъ можетъ обобрать порядочный сибирскій администраторъ, уѣхалъ благополучно отъ Ризкина, оставивъ того раздумывать о случившемся.

Вообще, Хапаловъ, съ своимъ подручнымъ «Васькой Прохвостовымъ», оставилъ по себѣ хорошую память. Его постоянныя набѣги и грабительство мирныхъ обывателей дошли теперь до легендарныхъ вѣроятностей. — Мы сами относились ко всѣмъ этимъ разсказамъ крайне недовѣрчиво, потому что подобныя дѣянія могли быть отнесены къ эпохѣ Гагариныхъ, Трескиныхъ и другихъ администраторовъ. А между тѣмъ, мнѣ случайно попалось громадное дѣло о томскомъ полицеймейстерѣ Хапаловѣ и частномъ приставѣ Прохвостовѣ, получившее въ свое время громадную извѣстность. Замѣйте, читатель, что дѣло это происходило въ эпоху пятидесятихъ годовъ, когда наружу выплывали и предавались гласности только дѣла, уже поистинѣ возмущающія чувство человѣка. Дѣло же Хапалова и Прохвостова происходило въ Сибири. Можно ли было ожидать, чтобы изъ Сибири, края отдаленнаго и заброшеннаго, могло дойти до всеобщаго свѣденія какое нибудь безобразіе?.. Да, ужь если дѣло

получило гласность о дѣяніяхъ сибирскихъ администраторовъ, то оно, по своей изумительной безсердечности и варварству, не могло стать въ ряду тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя на официальномъ языкѣ называются «злоупотребленіями по службѣ».

Въ домѣ купца Бирюлькина были украдены кѣмъ-то козловые сапоги. Подозрѣніе пало на горничную, и ее, безъ всякихъ предварительныхъ допросовъ, а просто по личной просьбѣ владѣтеля злополучныхъ сапоговъ, Хапаловъ отослалъ съ запиской къ частному приставу Прохвостову. «Допросить» многозначительно и законически значилось въ этой запискѣ. Прохвостовъ съ бѣдной, можетъ быть, совершенно безвинной жертвой подозрѣнія поступилъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Горничная получила около трехъ сотъ ударовъ розгами. Говорятъ, что она была еще беременная и во время страшной экзекуціи у нея произошелъ абортъ; но безчеловѣчный Прохвостовъ не обращалъ на это никакого вниманія. Замертво бѣдная женщина, послѣ его допроса, была стащена въ темную и положена была на печку. На другой день ее нашли мертвой. Она была схоронена. Но потомъ дѣло это открылось. Хапаловъ и Прохвостовъ попали подъ слѣдствіе. Первый изъ нихъ былъ кѣмъ-то взятъ на поруки, а послѣдній, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ томскомъ острогѣ, былъ выпущенъ безъ всякихъ послѣдствій.

И воздалось каждому «по дѣламъ его». Прохвостовъ былъ слѣпымъ орудіемъ Хапалова, но пострадалъ больше, чѣмъ самъ Хапаловъ. Десятки пудовъ серебра, драгоценныя вещи, награбленныя въ терроръ Хапалова—все это пошло прахомъ, и отъ богатства и величія частнаго пристава Прохвостова остались одни воспоминанія...

V.

Поселенцы и російскіе чиновники въ Сибири.

Населеніе Томска по новѣйшимъ географіямъ, равняется 26,000; насколько вѣрны подобныя статистическія данныя относительно населенія города, мы не знаемъ. Но если принять во вниманіе послѣднюю перепись жителей въ Москвѣ, гдѣ численность населенія оказалась вдвое болѣе, чѣмъ значилось въ учебникахъ и календаряхъ, то относительно населенія города Томска можно съ нѣкоторою положительностію высказать сомнѣніе. Томскъ—самый бойкій торговый городъ. Въ зимнее время онъ служитъ центромъ для всевозможныхъ сдѣлокъ. Сюда изъ разныхъ мѣстъ Сибири и Россіи съѣзжаются агенты торговыхъ и промышленныхъ обществъ. Зима—это самое кипучее время для населенія. Длинной вереницей тянутся по улицамъ обозы: чай, медъ, масло и проч. продукты идутъ черезъ Томскъ въ Россію; изъ Россіи

идутъ, черезъ Томскъ, въ Восточную Сибирь ситцы, сахаръ, яблоки (величайшій предметъ роскоши, продаваемый въ Сибири въ свѣжемъ видѣ по 60 коп. за штуку; замороженные яблоки 75 к. десятокъ), кофей, апельсины (70 коп. за штуку) и прочіе европейскіе товары. Въ наплывномъ населеніи Томска бываетъ иногда очень много бѣглыхъ. Каждую весну въ отдаленныхъ улицахъ города можно натолкнуться на бѣлаго. Въ 1865 году, наплывъ бѣглыхъ-каторжныхъ былъ замѣчательнъ. Часовъ въ шесть вечера эти «несчастные», партіями человекъ въ пять, ходили по отдаленнымъ улицамъ города и собирали милостыню. Подобныя странствованія «несчастныхъ» сопровождаются, конечно, и мелкими кражами, бываютъ и убійства, но это очень рѣдко. Бѣгле, для которыхъ Томскъ служить только мѣстомъ отдохновенія, гдѣ можно найти себѣ пристанище и потомъ отправиться въ дальнѣйшій путь—народъ не опасный. Но тѣ изъ бѣглыхъ, которые проживаютъ въ городѣ постоянно, платя «праздничное» полиціи, представляютъ зло и зло страшное для всего населенія. Въ отдаленныхъ частяхъ города этотъ бродячій народъ живетъ свободно съ какими-то *свидѣтельствами*, выданными Богомъ знаетъ откуда... У насъ есть узаконеніе, по которому полиція имѣетъ право выдавать свидѣтельства просрочившимъ паспорта, но относительно бѣглыхъ подобныхъ законовъ нигдѣ нѣтъ, ни въ одномъ государствѣ. Въ одной только Сибири дается такое обширное толкованіе закона о безпаспортныхъ. Съ свидѣтельствомъ, выданнымъ какимъ-нибудь приставомъ, бѣглый живетъ въ городѣ сколько ему угодно. Всѣ почти кражи, за ничтожными исключеніями, совершаются этими темными личностями, и полиція только въ случаѣ крайней необходимости выдаетъ виновниковъ преступления.

Въ одну зиму, часовъ съ шести вечера, было невозможно ходить по улицамъ. Какіе-то молодцы, съ пѣснями, на тройкѣ, въ кошевѣ разѣзжали по городу и ловили арканомъ и баграми проходящихъ и проѣзжающихъ по улицамъ. И все это сходить съ рукъ и считается въ городѣ вещью крайне обыденною, къ которой жители привыкли и приглядѣлись. Предметъ для разговоровъ всегда есть; но тонъ самыхъ разговоровъ идетъ, какъ будто о погодѣ. Какая-нибудь кумушка совершенно хладнокровно, нисколько не возмущаясь, рассказываетъ объ убійствѣ или воровствѣ, какъ будто дѣло идетъ о зарѣзанномъ теленкѣ или разбитой посудинѣ. Въ первое время я удивлялся подобнымъ вещамъ, но потомъ мало по малу совершенно привыкъ и обжился.

Впрочемъ, бѣгле составляютъ, во всякомъ случаѣ, ничтожный процентъ изъ числа ссылаемыхъ въ Сибирь, и по бѣглымъ никакъ нельзя судить вообще о поселенцахъ.

Всѣ поселенцы, которые остаются въ Томскѣ на жительство, устраиваются очень хорошо. Честнаго, трудолюбиваго работника хозяинъ любитъ, а изъ поселенцовъ, высланныхъ въ Сибирь по разнымъ проступкамъ, всегда большею частію вырабатываются

хорошіе труженники. Вырабатываются не въ смыслъ нравственнаго перелома, а благодаря только лучшимъ экономическимъ условіямъ сибирскаго быта. Той вопіющей нищеты и бездолья, какія встрѣчаются въ Россіи, и въ поминѣ нѣтъ. Крайней нужды воровать и мошенничать не представляется. Была бы только охота работать у поселенца, и онъ можетъ черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться хозяиномъ своего дома. Конечно, многіе поселенцы попадаютъ въ руки и эксплуататоровъ, которымъ они и служатъ, какъ дойныя коровы. Но гдѣ же нѣтъ кулачества? Въ Россіи, гдѣ люди живутъ тѣснѣе и взаимныя экономическія отношенія поддерживаются легче, эксплуатація рукъ сильнѣе, и кулачество развито въ большей степени, чѣмъ въ Сибири.

Вообще, всѣ почти поселенцы очень скоро привыкаютъ къ своему новому отечеству, усваиваютъ новые обычаи и нравы и въ тоже время сами иногда вносятъ въ общество новыя небывалыя привычки и свойства. Все общество относится къ нимъ довѣрчиво, не обращая вниманія на то, что поселенецъ, идя по «владимірѣ», перебивалъ во всѣхъ острогахъ, и могъ окончательно развратиться и сдѣлаться негоднымъ человѣкомъ. Мнѣ рассказывали, что на заводахъ, у какого-нибудь смотрителя, прежде можно было найти отличнаго повара, сосланнаго въ каторгу за отравленіе своихъ помѣщиковъ, или няньку, убившую барскаго ребенка въ Россіи. Ихъ никто не боится; здѣсь нѣтъ причинъ дѣлаться имъ рецидивистами, если они въ своемъ умѣ; ихъ прошлое точно оторвано отъ настоящаго; о прошломъ никто не вспоминаетъ, и всѣ обращаются съ ними сообразно тому поведенію, какое они возымѣли на новыхъ мѣстахъ. Изъ бывшихъ убійцъ здѣсь можно встрѣтить очень добродушныхъ и честныхъ людей, глядя на которыхъ невозможно повѣрить, чтобы они могли быть когда-нибудь преступниками.

Поселенецъ устраивается, обзаводится домомъ, женой и дѣлается полнымъ семьяниномъ. Просторъ, богатая природа, дешевая жизнь до баснословія заставляютъ поселенцевъ полюбить свое новое отечество. У меня былъ случай понаблюдать за поселенцами, пришедшими со всѣхъ концовъ Россіи, и я пришелъ къ тому заключенію, что вообще уроженцы Московской, Ярославской, Костромской и другихъ смежныхъ губерній очень скоро привыкаютъ къ мѣсту и усваиваютъ быстро всѣ нравы и обычаи, такъ что Сибирь для нихъ дѣлается вполнѣ новымъ отечествомъ. Уроженцы же южнаго края (напримѣръ малороссы)—замѣчательно народъ не податливый и крайне недовѣрчивый къ своимъ новымъ соотечественникамъ; никто такъ страстно не любитъ своей родины и никто такъ не привязанъ къ своимъ роднымъ полямъ. Каждый простой малороссъ или «хохолъ» (какъ вообще называютъ ихъ въ Сибири)—въ душѣ поэтъ, поэтъ великій. У меня былъ одинъ знакомый «хохолъ» Степанъ; онъ жилъ водовозомъ въ одномъ казенномъ заведеніи. Въ Сибири, на поселеніи, онъ живетъ ужъ лѣтъ двадцать. Постоянно молча-

ливый и угрюмый, онъ могъ говорить только тогда, когда кто нибудь упоминалъ его родину. Тутъ онъ пробуждался, какъ будто, отъ сна: каждое слово его дышало страстною любовью къ родинѣ. Чаше всего онъ вспоминалъ украинскія весеннія ночи. Природу онъ рисовалъ, какъ поэтъ. Бывало, слушаешь Степана и не вѣришь, что это—какой-то водовозъ, заброшенный въ Сибирь изъ далекой Малороссіи. Мастерски онъ описывалъ жизнь и малороссійскую природу. Бесѣдуя съ поселенцами о далекой родинѣ, я узналъ отъ нихъ многое, чего нельзя узнать изъ географій и этнографическихъ очерковъ Россіи...

Замѣательно, что сибиряки, не только вполне примиряющіеся съ ссыльными, но и относящіеся къ нимъ обыкновенно дружелюбно и привѣтливо, хотя изъ ссыльных выходитъ не мало бѣглыхъ, творящихъ разныя пакости, никакъ не могутъ примириться съ пріѣзжающими изъ Россіи въ Сибирь чиновниками.

О чемъ бы ни заговорилъ настоящій прикрѣпленный сибирякъ, онъ всегда дойдетъ до «россійскихъ чиновниковъ», которые посылаются изъ самыхъ отвратительныхъ подонокъ чернильнаго царства. Честный и дѣльный чиновникъ можетъ служить и въ Россіи. Въ Сибирь ѣдутъ зачастую проигравшіеся шулера, пропившіеся пьяницы, гласно проворовавшіеся взяточники, и все это ѣдетъ наживаться, ѣдетъ не надолго, чтобы возвратиться тотчасъ же, какъ только немного наполнится совершенно пустой бумажникъ. Безцеремонность въ наживѣ полная: до Бога высоко, до царя далеко! Вслѣдствіе этого, глухое раздраженіе въ народѣ и подавленный гнѣвъ никогда не упускаютъ случая высказываться въ видѣ самыхъ грубыхъ ругательствъ на россійское чиновничество по самому ничтожному поводу. Въ черномъ народѣ самое слово *россійскій* сдѣлалось ругательствомъ, синонимомъ слова *жидъ*. Тонъ этого слова: *россійскій*, на устахъ мужика, всегда дышетъ ненавистью, отвращеніемъ, глубокимъ негодованіемъ и величайшимъ презрѣніемъ, точно сами колонизаторы Сибири пришли не изъ Россіи, точно они сами никогда не были россійскими и не имѣютъ съ ними ничего общаго. Такъ можно подумать съ перваго взгляда и даже заподозрить сибиряковъ въ нѣкоторомъ сепаратизмѣ. Это подозрѣніе, какъ и сравненіе сибиряковъ съ американцами, на самомъ дѣлѣ выходитъ почти нелѣпнымъ. Сибирякъ—врагъ своихъ дѣйствительно дурныхъ чиновниковъ, но онъ—никогда не сепаратистъ: нѣтъ края Россіи, гдѣ бы Царь пользовался такою популярностью, какъ въ Сибири; подъ тяжелымъ гнѣтомъ чиновничества, пріѣхавшаго кормиться, всѣ обращаютъ свои надежды только на Царя и отъ него одного ждутъ спасенія... Нѣсколько лѣтъ назадъ было затѣяно судебное-политическое дѣло о планахъ отдѣленія Сибири отъ Россіи. Не было въ Сибири ни одного человѣка, который бы не смѣялся надъ этимъ планомъ (созданнымъ тринадцатилѣтнимъ кадетомъ О—скаго корпуса К.), и не было ни одного человѣка, который бы не жалѣлъ отъ души

жертвъ судебной ошибки, просидѣвшихъ, по подозрѣнію въ сепаратизмъ, по нѣскольку лѣтъ въ крѣпости. Нельзя сомнѣваться, что, если бы, въ качествѣ чиновниковъ изъ Россіи посылались болѣе честные и дѣльные люди, то не было бы и этого печальнаго дѣла...

VI.

Изъ исторіи сибирскаго золота.

Когда дѣло мое, за которое я попалъ въ Сибирь, выяснилось и мнѣ дозволили возвратиться въ Россію, я находился въ большомъ затрудненіи, какъ мнѣ вернуться въ Россію. Денегъ у меня не было, а ихъ на дорогу требовалось не мало. Добрые сибиряки нахлынули съ разными совѣтами о способахъ безденежнаго возвращенія въ Россію.

Изъ тысячи и одного совѣта, которые преподаны мнѣ были разными доброжелателями, я выбралъ совѣтъ моего хозяина: ѣхать черезъ Барнауль съ золотомъ. Другіе знающіе люди подтвердили мнѣ, что это — путь, дѣйствительно, самый дешевый и выгодный. Изъ Томска до Барнаула я могъ доѣхать съ довѣреннымъ (золотопромышленником), а въ Барнаулѣ могъ попросить начальство, и меня бы даромъ велѣли довести съ караваномъ до Петербурга; безъ этого распоряженія, я долженъ бы былъ заплатить караванному офицеру, его помощнику или одному изъ сопровождающихъ золотой караванъ солдатъ много-много рублей десять или пятнадцать за проѣздъ до Нижняго. Этимъ путемъ изъ Сибири ѣздить въ Петербургъ много молодыхъ людей, желающихъ поступить въ университетъ.

Надобно было отыскать довѣреннаго, который бы довелъ меня до Барнаула (400 верстъ отъ Томска). Они возятъ по большей части даромъ, ради компанства и веселья: все равно платить за тройку. Казаки, котораго даютъ довѣренному для охраны золота, обыкновенно бываетъ очень толстымъ и пьянымъ Фальстафомъ, который, ввалившись на козлы, теряетъ всякое различіе отъ куля съ мукой и съ которымъ, по этому, разговаривать о чемъ бы то ни было и развлекаться нельзя: онъ всегда спитъ и молчитъ. Осенью, когда на приискахъ кончаются работы и золото везется въ Барнауль для сплава съ сотенъ приисковъ, попутчика изъ довѣренныхъ было отыскать очень не трудно. Мнѣ сразу разные доброжелатели указали до десяти такихъ попутчиковъ. Я поладилъ съ первымъ, къ которому пришелъ. Это былъ тучный, сонный мужчина съ большими перстнями на короткихъ, жирныхъ пальцахъ. Я засталъ его зѣвающимъ передъ графиномъ съ водкой; рубашка его была распахнута и мохнатая широкая грудь

была обнажена. Онъ выглядѣлъ утомленнымъ, невыспавшимся человѣкомъ.

— Въ Россію пробираетесь: свое зубамъ добро... Садитесь, пейте! А только, будь я на вашемъ мѣстѣ, если бы въ три бича меня гнали отсюда, не пошелъ бы. Россія—это глупость одна. Лучше бы вамъ здѣсь...

Я ждалъ этого: меня всѣ оставляли въ Сибири, всякій сибирякъ хвасталъ своей Сибирью; одними кушаньями, въ родѣ пельменей, мнѣ надоѣли: «ну, что у васъ въ Россіи! есть такіе пельмени? А кто изъ російскихъ съѣстъ сто штукъ? а я четыреста съѣдаю!» Распространившись, по обычаю, о прелестяхъ сибирской жизни, довѣренный объявилъ, что беретъ меня съ собой, если ужъ я такъ упорно и безразсудно желаю покинуть эту прекрасную страну; когда я заговорилъ о цѣнѣ, онъ просто махнулъ рукой и налилъ двѣ рюмки водки.

— Мы—не изъ росейскихъ! не станемъ баграми топить васъ, когда вы тонуть будете: сами потонемъ, а васъ вытащимъ! О платѣ разговорѣ нѣтъ! Мнѣ ничего не стоитъ, и съ васъ ничего не возьму!.. Завтра поѣдемъ, а сегодня пообѣдаемъ вмѣстѣ: пельмешки будутъ...

Это—очень хорошее кушанье, но сибиряки, кажется, злоупотребляютъ имъ. Пельмени дѣлаются, обыкновенно, изъ мелко рубленной, до вида тѣста, говядины съ перцемъ и лукомъ. Эту говядину берутъ въ размѣрѣ половины чайной ложки и вкладываютъ въ тонкій соченокъ тѣста, величиной въ кругъ маленькой рюмки: загибаютъ пирожокъ, соединяютъ оба его конца вмѣстѣ, такъ что получается кругляшекъ, съ углубленіями и выпуклостями человѣческаго уха. Это—пельмень... Такихъ пельменей наготавливаютъ къ обѣду нѣсколько сотъ, укладывая ихъ на доскахъ, на рѣшеткѣ ситъ, на подносахъ и проч. Если дѣло происходитъ зимой, ихъ замораживаютъ впрокъ. Мороженые пельмени легко перевозимы и ни съ чѣмъ несравнимы, какъ пироженки. Если на станціи можно достать огня и воды, вы всегда имѣете превосходную закуску, къ которой не нужно даже и хлѣба. Пельмени стоитъ опустить въ кипятокъ (они потонутъ) и вынимать каждый изъ нихъ, который выплыветъ на верхъ. Сибиряки ѣдятъ пельмени во множествѣ и въ разныхъ видахъ. Какъ супъ, ихъ ѣдятъ съ уксусомъ, бульономъ и перцемъ; ѣдятъ со сливками, ѣдятъ съ горчицей; ѣдятъ, просто обливши теплымъ русскимъ масломъ; ѣдятъ съ кисленькимъ вареньемъ; ѣдятъ съ медовой сотой... Весь обѣдъ можетъ состоять изъ пельменей: они могутъ замѣнить даже пироженое. Сибирякъ не знаетъ лучшаго кушанья этихъ пельменей, и (въ особенности въ заговѣнье, передъ постомъ) ихъ съѣдается невѣроятное количество. Иной, дѣйствительно, можетъ съѣсть ихъ до четырехъ-сотъ штукъ (около четырехъ фунтовъ говядины). Вѣроятно, благодаря этимъ пельменямъ и ежеминутному употребленію водки, рѣдкій изъ довѣренныхъ и людей богатыхъ въ Сибири не страдаетъ жи-

рѣніемъ. Говоря объ употребленіи водки, я не могу сказать, чтобы сибиряки были пьяницами. Тамъ чрезвычайно трудно встрѣтить пьянаго человѣка, въ особенности на улицѣ, какъ это зачастую бываетъ въ Петербургѣ. Сибирякъ пьетъ также, какъ мы куримъ; онъ пьетъ постоянно и никогда не можетъ напиться до безумія; отъ опьяненія онъ дѣлается немного оживленнѣе, но затѣмъ, перехвативши мѣру, просто засыпаетъ; онъ никогда отъ вина не войдетъ въ экстазъ: не будетъ ни цаловаться, ни драться, также, какъ у насъ, отъ самой крѣпкой сигары не можетъ закружиться голова; онъ привыкъ... Это питье водки, ведущее къ опьяненію, поэтому нельзя назвать пьянствомъ; это — скорѣе вредная для здоровья привычка. Большинство сибиряковъ (въ особенности изъ простолюдиновъ) ничего не пьетъ, но не считаютъ порокомъ и пить, также, какъ не считаютъ порокомъ курить или нюхать; безобразія въ пьяномъ видѣ чинятъ только одни «россейскіе чиновники» — и это служитъ источникомъ презрѣнія къ нимъ: «и вы пить-то по-человѣчески не умѣете! собаки! лакаютъ — пока брюхо не лопнетъ!» — «Выпить на грошъ — на рубль надо веревокъ покупать, чтобы вязать его». — «Пьяница, говорятъ въ Сибири — не тотъ, кто много пьетъ, а тотъ, кто пьянъ напивается: мѣры себѣ не знаетъ», — поэтому пить водку нисколько не считается позорнымъ. Многіе изъ «россейскихъ чиновниковъ» очень пострадали отъ этого въ Сибири. Ихъ споили. Примѣ, бывший предсѣдатель палаты ходилъ почти нагишомъ по улицамъ, едва прикрывшись грязной рогожей и встрѣчая отовсюду гнусныя издѣвательства и извергскія шутки со стороны всего уличнаго народа, начиная съ мальчишекъ. Никто его не жалѣлъ, онъ былъ презрителенъ, и самые добрые люди «омывали руки», бормоча: «достойно есть, яко воистину»...

Хвастая о своей драгоценной Сибири, Иванъ Михайловичъ (такъ звали довѣреннаго), въ прохладцѣ, послѣ нѣсколькихъ тарелокъ пельменей, началъ рассказывать мнѣ, какимъ блестящимъ образомъ можно устроиться здѣсь безъ нѣкоторой охулки на руку.

— Вы знаете миллионера N? Кто такой былъ N? Онъ, до пятидесяти лѣтъ, былъ горькимъ титулярнымъ совѣтникомъ, выгнаннымъ вездѣ и отовсюду... Ходилъ по кабакамъ, писалъ клеветы. Такъ и умеръ бы у ступицы кабака! Въ молодости ничего, кромѣ гадостей, не дѣлалъ, ничего не приобрѣлъ; — въ старости приобрести трудно. А вотъ приобрѣлъ! — умеръ, до десяти миллионовъ оставилъ, на восьми женахъ женатъ былъ... Три были законныя... Женится на одной, а черезъ мѣсяцъ, выправить свидѣтельство, что она умерла; на другой женится, а потомъ, такимъ же манеромъ — на третьей — и жилъ, какъ турка, со всѣми, которыя умершими считались... Ну, да это пустяки!

И въ доказательство того, какъ можно, не клавши охулки на руку, нажить въ Сибири десять миллионовъ, Иванъ Михайловичъ рассказалъ мнѣ исторію богатства N. Это былъ мелкій чинов-

ничтошко-кляузникъ, обязанный подпиской никуда не писать и не подавать прошеній. Онъ жилъ и надѣялся умереть въ кабацѣ. Вдругъ купцу Х. потребовался грамотный человѣкъ для отправки съ развѣдочной партіей... Одинъ изъ рабочихъ познакомился въ кабацѣ съ N и рекомендовалъ его. N отправился на развѣдки. Такія развѣдки, дѣлаемые по показанію крестьянъ, общающихся, рублей за пять или за десять, указать случайно открытыя богатѣйшія розсыпи (крестьянинъ-открыватель лишентъ закономъ права эксплуатировать свое открытіе; изъ этого вытекаетъ множество нелѣпыхъ жизненныхъ отношеній, о которыхъ я поговорю послѣ; богатѣйшіе сибирскіе прииски, случайно открытые крестьянами, обрабатываются дворянами или купцами—сословіями, имѣющими по закону право искать и находить золото; въ то время, когда настоящіе открыватели богатствъ пресмыкаются въ нищетѣ и бѣдности, эти, ничего не дѣлающіе люди, оплатившіе открытіе красненькой бумажкой, получаютъ миллионы годового дохода, благодаря странной сословной привилегіи) по большей части кончаются ничѣмъ. Является къ богатому золотопромышленнику, какой-нибудь пропившійся мужиченко и объявляетъ, что онъ былъ въ такой-то тайгѣ, захотѣлъ испить водички изъ рѣчки и зачерпнулъ цѣлую горсть шлиховаго золота. За благопріятное извѣстіе рабочему дается какихъ-нибудь три цѣлковыхъ; снаряжается партія и отправляется по его указанію. Вожака кормятъ и поятъ на убой; онъ водить партію по тайгѣ до тѣхъ поръ, пока не заблагоразсудитъ исчезнуть съ какого-нибудь ночлега, предоставляя партіи самой розыскивать золото, гдѣ угодно. Наугадъ выбивая шурфы (т. е. копая ямы) и промывая песокъ, такая партія иногда совершенно неожиданно нападаетъ на богатое содержаніе золота, а чаще прикащикъ, для очистки совѣсти, найдя гдѣ-нибудь чуть замѣтные слѣды золота, ставитъ столбы и заявляетъ въ мѣстномъ земскомъ судѣ о своемъ открытіи. У всякаго золотопромышленника есть много такихъ заявленныхъ приисковъ, которые не разрабатываются и называются *тунележащими*. Эти столбы въ тайгѣ всякій долженъ обходить; это—уже приискъ, хотя его никто не разрабатывалъ. Собака на снѣгъ лежитъ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ. Бывали случаи, что тунележащій приискъ, по истеченіи длиннаго срока лѣтъ тунележанія (т. е. нахождения въ первобытномъ, безъ приступка къ разработкѣ его заявителемъ состояніи) отходилъ въ казну, подвергался изслѣдованіямъ другихъ искателей и оказывался очень богатымъ.

N. посчастливилось напасть на богатѣйшій приискъ; онъ поставилъ столбы и заявилъ его гдѣ слѣдуетъ на свое имя. Наступили заморозки, партія возвратилась въ Томскъ, и хозяину объявили, что ничего не найдено; онъ этого ждалъ и остался совершенно спокойнымъ. Между тѣмъ, N скомпановалъ какъ-то маленькую партію рабочихъ и весной исчезъ изъ города... Въ первое же лѣто онъ привезъ въ Барнауль болѣе, чѣмъ на двѣсти

тысячъ золота... Узнавши объ этомъ, X началъ судебное дѣло. Это было огромное дѣло; объ стороны не жалѣли денегъ, и старые чиновники до сихъ поръ съ слюнотеченіемъ вспоминаютъ невозвратно-прошедшее время процесса X и N. На слѣдующій годъ, N доставилъ въ казну золота болѣе, чѣмъ на миллионъ рублей. Дѣла его пошли лучше и лучше, и онъ не могъ не выиграть процесса... Послѣ этого, онъ началъ разрабатывать много другихъ приисковъ и умеръ всеми уважаемымъ благотворителемъ и миллионеромъ въ своемъ дворцѣ. Не могу умолчать и еще объ одномъ сибирскомъ Крезѣ, Гороховѣ. По всей Россіи были распространены фаянсовые издѣлія съ изображеніемъ великолѣпнаго сада и съ подписью: *садъ Горохова въ Томскѣ*. Очень можетъ быть, и вы, читатель, кушали съ такихъ тарелокъ.

Гороховъ былъ очень знаменитъ, и о его богатствѣ до сихъ поръ можно слышать въ Томскѣ просто легенды и баснословныя преданія; всѣ ходятъ въ его огромный, запустѣлый, заросшій садъ съ полуразрушенными китайскими бесѣдками, съ заброшенными холодными гротами, съ фантастическими башенками, съ декораціями замковъ, съ висячими мостиками, прудами и каналами... Теперь вездѣ выбиты стекла, вездѣ полиняла краска, вездѣ покачнулись колонны, полуразрушились крыши, пруды покрылись, заволоками зелени и водорослей; каналы ограмзились, омельчали. А прежде, по этимъ каналамъ плавали фантастическія гондолы; въ иллюминированномъ саду гремѣла музыка; на крытыхъ террасахъ шли танцы; изъ разукрашенныхъ башенокъ раздавались пушечные выстрѣлы; въ уединенныхъ, закрытыхъ зеленью, разбросанныхъ тамъ и сямъ китайскихъ бесѣдкахъ происходили, можетъ быть, любовныя свиданія. Когда-то этотъ пустырь съ полуразвалившимися строеніями былъ оживленъ и радостенъ. Теперь эта глушь и развалины имѣютъ видъ грустнаго воспоминанія о скоропроходящемъ земномъ счастьи... Самъ великолѣпный Гороховъ умеръ, говорятъ, въ крайней бѣдности.

Когда-то это былъ блестящій и первый человекъ въ Томскѣ, хотя онъ явился сюда почти только съ однѣми надеждами, безъ всякихъ другихъ фондовъ. Ловкій и смѣлый авантюристъ нашелъ здѣсь счастье, о которомъ и во снѣ ему, вѣроятно, не снилось. Совершенно случайно, съ первой же развѣдочной партіей, онъ открылъ богатѣйшіе прииски. Дѣла его пошли великолѣпно; онъ началъ пользоваться огромнымъ кредитомъ, который нуженъ былъ ему для несоразмѣрной съ доходами роскошной жизни; на кухни заведены были серебряныя кастрюли, и ихъ безстыдно крали чуть не всѣ желающіе; онъ проживалъ на свои пышные праздники болѣе полумилліона въ годъ... Доходы перестали покрывать расходы. Занимая въ долгъ вездѣ и всюду, Гороховъ обобралъ чуть не всѣ деньги въ Западной Сибири: у рѣдкаго человека не было его векселя. Насталъ кризисъ; все лопнуло; назначенъ былъ конкурсъ... Предсѣдатели конкурса наживали тысячи; кредиторы были, подписываясь въ полученіи рублей, тогда

какъ имъ выдавали копѣйки... Смѣняли одного предсѣдателя; другой оказывался еще съ меньшей охулкею на руку... Всюду проклинають Горохова, но едва ли справедливо?! Свѣдущіе люди говорили мнѣ, что всѣ долги Горохова, при честномъ веденіи дѣла, легко можно было бы покрыть въ пять лѣтъ доходами съ его богатѣйшихъ пріисковъ; а вотъ уже тянется конкурсъ болѣе двадцати лѣтъ; предсѣдатели его наживаются и мѣняются одинъ за другимъ, а кредиторы, говорятъ, въ большинствѣ, остаются безъ всякаго удовлетворенія: Гороховскіе милліоны идутъ на содержаніе конкурса, и самъ онъ, при жизни, получалъ какіе-то гроши, чуть не умиралъ съ голоду, наравнѣ съ своими несчастными займодавцами.

VII.

Дорога и сибирскій мужикъ.

Несмотря на то, что я довольно пожилъ въ Сибири, путешествіе съ золотопромышленникомъ, везущимъ въ своемъ тарантасѣ на нѣсколько десятковъ тысячъ золота, которое могло послужить хорошей приманкой для воровъ и разбойниковъ, не могло мнѣ не казаться опаснымъ. Сидя на мѣшкѣ съ двумя пудами золота, я и въ Россіи ѣхалъ бы не совсѣмъ спокойно. Когда я принесъ свои утлые пожитки къ своему попутчику и началъ укладывать ихъ въ тарантасъ, меня не могло не удивить, что казацкая шапка и пистолетъ (единственное наше оружіе) положены были на самое дно тарантаса, въ сѣно, возлѣ кожаннаго мѣшка съ золотомъ, какъ какіе амулеты, имѣющіе симпатическое свойство защищать золото отъ воровъ. Мнѣ припомнился Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, возившій на днѣ своего тарантаса саблю «для внушенія надлежащаго страха кому слѣдуетъ»...

— Это вы напрасно тутъ шапку положили! сказалъ я казаку. — Вдругъ какой случай...

— Какой случай? Вы думаете, опрокинемся, пистолы выстрѣлятъ? Курокъ тряпкой замотанъ; ни въ жизнь не выстрѣлитъ; вы не сумлевайтесь...

— Я не насчетъ этого... А если на насъ разбойники нападутъ, какъ мы тогда? шапку изъ-подъ всей клади въ часть не отрыть!..

— Какіе разбойники? съ самымъ живымъ удивленіемъ спросилъ казакъ.

— Ну, на дорогѣ, напрімѣръ...

— Нѣшто вы слышали?

— Н-нѣтъ, а вѣдь могутъ... все-таки... для безопасности...

— А я думалъ, что вы слышали! невнимательно и какъ будто

съ сожалѣніемъ пробормоталъ казакъ и началъ уминать сѣно въ кузовѣ тарантаса.

Хотя сибирскія дороги представлялись мнѣ ульями, кишачими разбойниками, но я оставилъ казака въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что меня волновали чувства человѣка, готовящагося освободиться изъ тюрьмы; онъ уже оправданъ, приказъ объ освобожденіи полученъ, но еще надо исполнить нѣкоторыя формальности, которыя, въ жаждѣ свободы, кажутся очень длинными; думается, что всѣ должны находиться въ той же ажитаци и также торопиться, какъ ты самъ, а тутъ тюремный сторожъ, отбирая казенное платье, считаетъ его съ такимъ возмутительнымъ спокойствіемъ и даже позволяетъ себѣ оттягивать время,ковыряя въ носу и рассказывая, до чего строгъ его смотритель... Видя всѣхъ покойными и медленными, замѣчая, что не приведены еще даже лошади, я не вѣрилъ, что какой-нибудь неожиданный случай не помѣшаетъ мнѣ тотчасъ же выѣхать изъ Томска.

Я пошелъ въ комнату моего попутчика; къ великой моей досадѣ, онъ сидѣлъ въ одной рубахѣ передъ графиномъ съ водкой и, повидимому, совсѣмъ не полагалъ одѣваться.

— Еще лошадей не привели, печально и чуть неукоризненно сказалъ ему я.

Отъѣздъ быдъ назначенъ въ двѣнадцать часовъ, а было ужъ два... Онъ провелъ своей лѣвою ладонью по своему лицу, какъ котъ, который моется.

— Приведутъ. Выпьемте.

— Покорно благодарю... Я хотѣлъ сказать вамъ: вашъ казакъ и пашку, и пистолеты упряталъ Богъ знаетъ куда, такъ что, если на насъ нападутъ разбойники...

— Тыфу! Ворожите!

— Все быть можетъ...

— Тигунъ вамъ на языкъ! Здѣсь вѣдь не Италія, чтобы разбойники были... Тамъ Фрадіаволо... я читалъ... Только этимъ пустякамъ тоже не вѣрю: выдумка все, я думаю, — пустое... И вы, вѣрно, тоже читали. Не бойтесь! ха-ха-ха! Фрадіаволо!.. Это — пустяки! Вы не думайте, что здѣсь Италія!

— Я никогда этого не думалъ, а полагалъ только, что здѣсь Сибирь, куда ссылаются изъ Россіи всѣ воры и разбойники...

Это замѣчаніе почему то вызвало самый душевный смѣхъ; мой попутчикъ откинулся на спинку кресла, разинувъ ротъ, и началъ качаться въ то время, какъ огромный животъ его колыбался, какъ море какое, въ беззвучномъ, но самомъ искреннемъ смѣхѣ...

— Ра-а-а-азбойники! пробормоталъ онъ черезъ силу, утирая выплывшія на щекахъ слезы своей широкой ладонью, опять точно котъ, когда онъ умывается лапой.

Я даже немного обидился, а смутился вполне. Мнѣ не могло не показаться, что спутникъ мой говоритъ такъ храбро о раз-

бойникахъ, потому только, что онъ пьянъ. Послѣ я узналъ, что сомнѣніе мое относительно разбойниковъ было очень смѣшно. Но оно не было нелѣпымъ. Въ самомъ дѣлѣ, ѣхать съ полумилліономъ даже по немного глухой петербургской улицѣ не совсѣмъ безопасно, а ѣхать по дорогѣ, въ лѣсахъ и дремучемъ бору, гдѣ станція отъ станціи отстоитъ иногда на шестьдесятъ верстъ, такъ что никакіе крики не могутъ привлечь помощи; ѣхать въ Барнаулъ съ казакомъ на козлахъ, такъ что всѣ видятъ и знаютъ, что веземъ золото; ѣхать въ Сибирь, гдѣ дороги кишатъ бѣглыми каторжниками, мнѣ, по здравому смыслу, казалось дѣломъ очень рискованнымъ и опаснымъ, чуть не отчаяннымъ... Радость моя, когда мы сѣли въ тарантасъ, гремѣщій колокольчиками на лошадахъ, очень омрачилась этими, довольно серьезными опасеніями.

— Ну! Съ Богомъ! Трогай!

— Ау-у-д-а-о-о-о!

Колокольцы звякнули, залились въ вой, и мы понеслись!.. Въ Россіи любятъ ѣздить шибко; въ Сибирѣ любятъ ѣздить сломя голову; ко всему тому, малорослыя сибирскія лошади, круглыя, сытыя и проворныя, далеко превосходятъ разбитыхъ клячъ на русскихъ почтовыхъ станціяхъ. У меня просто духъ захватывало отъ грохота и быстроты, съ которыми мы скакали по довольно плохому шоссе, проведенному отъ города до перевоза. Это — три версты, но я почти не опомнился, какъ мы ихъ проскакали. На перевозѣ, Иванъ Михайловичъ закурилъ сигару, бросилъ спичку въ воду и, сонно чмокая губами, спросилъ: «ну, чтѣ — разбойники?» Онъ подсмѣивался надъ моими опасеніями...

По Россіи я ѣздилъ очень мало; былъ въ деревняхъ Тверской, Новгородской, Черниговской и Харьковской губерній; вездѣ въ этихъ мѣстахъ я видалъ бѣдность и грязь. Быть сибирскихъ крестьянъ меня очень изумилъ. Во многихъ деревняхъ приходилось останавливаться не въ станціонныхъ домахъ, которые здѣсь чрезвычайно рѣдки, а въ простыхъ первыхъ попавшихся крестьянскихъ домахъ. Въ этихъ домахъ нѣтъ ничего похожего на русскія крестьянскія избы. Комнаты высоки; всѣ стѣны обиты тесомъ и выкрашены синей или зеленой масляной краской (иногда, смотря по заѣдливости хозяина, разрисованы птицами, павлинами и всякой пестротой); русская печь у сибирячки содержится съ кошачьей опрятностью. Подъ печкой всегда стоитъ ведро съ известкой, и, послѣ каждой топки, всѣ почернѣвшія отъ дыма видныя мѣста немедленно забѣливаются самой стряпухой, тотчасъ же по закрытіи трубы. Самъ сибирскій мужикъ, сравнительно съ русскимъ крестьяниномъ, выглядитъ бариномъ. Онъ молчаливъ и серьезенъ, но никогда не прочь пошутиться и иногда бываетъ очень колокъ и юмористиченъ. Ёсть онъ такъ, какъ дай бы Богъ ёсть чиновнику средней руки въ Петербургѣ. Жена его встаетъ утромъ въ четыре часа топить печь и, пока онъ спитъ, изготавляетъ ему праженики

блины, шаньги или что-нибудь въ родѣ этого: въ шесть часовъ онъ садится за чай, окруженный тарелками со всякой снѣдью и съ горшкомъ растопленнаго масла, въ которое онъ макаетъ пряженники (пироги съ осердіемъ — ливеромъ, какъ называютъ въ Петербургѣ), шаньги или блины, запивая закуску чаемъ. Чай очень дешевъ сибирскому мужику: онъ покупаетъ его отъ проѣзжающихъ обозныхъ съ караванами чая, а то и просто дарятъ ему; но сахаръ онъ покупаетъ и потому старается его больше лизать, чѣмъ кусать. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ ему сытно и плотно позавтракать за чаемъ. Послѣ этого, онъ всегда уходитъ изъ дому на работу. Здѣсь ведется дѣло артельно, и всегда есть работа: въ самую глухую зиму крестьяне или рубятъ впрокъ дрова, которыя оставляютъ въ лѣсу: «кому поднадобятся, тотъ и вывезетъ». Траву, скошенную лѣтомъ, также оставляютъ на зиму въ полѣ для вывоза всѣмъ, кто въ ней нуждается. У сибиряка много земли и лѣса, и онъ не жаденъ. Его заботливость о другихъ иногда бываетъ даже трогательна. Онъ засѣваетъ около большой дороги горохъ или рѣпу, исключительно для лакомства проѣзжающихъ. Разъ какъ-то намъ пить захотѣлось.

— Вотъ сейчасъ къ дынямъ подѣдемъ, сказалъ ямщикъ.

— Къ какимъ дынямъ?

— Теперь спѣлыя... Митрофанъ Онинъ садилъ. Путникъ!.. Коли, говоритъ, дыню съ проѣзжающимъ ѣсть будешь, такъ и номяни ему, что Митрофанъ Онинъ дыни садить. Старикъ!.. дѣлать нечего, за шестерыми сынами живетъ,—ну, и смѣется!.. Чулакъ!

Замѣчательно то, что сибирскій мужикъ, вышедшій изъ Россіи, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, превосходитъ русскаго мужика, котораго, сравнительно съ сибирскимъ мужикомъ, справедливо назвать мужиченкой. Въ Сибири мужикъ какъ-то выглядитъ даже больше и сановитѣе. Онъ ни передъ кѣмъ не ёжится, не подличаетъ, онъ никогда не робокъ. Онъ смѣло говоритъ резонъ и дѣло, не преклоняясь предъ авторитетомъ всякой чернильной души. Ко всему тому, сибирскій мужикъ никогда не бываетъ пьяницей: онъ пьетъ передъ обѣдомъ, пьетъ съ холоду, выпиваетъ на семейномъ праздникѣ, даже, можетъ быть, напивается до-пьяна, но никогда не унизится до того, чтобы выказывать свое опьяненіе буйствомъ, горластой пѣсней или просто шатаньемъ при ходьбѣ.

Дорогой намъ случилось засѣсть по случаю переломившейся оси часовъ на шесть въ одной деревнѣ. Было воскресенье и еще какой-то храмовой праздникъ. По улицамъ ходили разряженные дѣвушки и молодыя женщины, ѣли кедровые орѣхи и жевали сѣру¹, выплевывая слюну на сажень въ какую-нибудь

¹ Въ Сибири женщину трудно встрѣтить безъ жвачки: жуютъ ливственничную сѣру, которая уничтожаетъ дурной запахъ изо рта и, можетъ быть,

цѣль. Мужчины сидѣли дома, чинно пили, закусывали и покойно и весело разговаривали о своихъ дѣлахъ безъ всякаго шума, нераздѣльнаго со всякимъ праздничнымъ пиршествомъ въ русской деревнѣ. Сибирскому мужику водка не въ диво, какъ русскому крестьянину, который, дорвавшись до нея въ кои вѣки, радъ выпить море; въ Сибири мужикъ пьетъ умеренно и никогда не можетъ напиться до безобразныхъ возбужденій: онъ не полѣзетъ на драку и не будетъ цаловаться; почувствовавъ себя неприлично охмѣлѣвшимъ, онъ скорѣе пойдетъ спать. Мнѣ такъ, по крайней мѣрѣ, кажется... Я не видѣлъ сибирскихъ мужиковъ пьяными: всѣ они такіе солидные, что какъ-то не вѣрится, чтобы они унижались до скотскаго опьяненія, къ которому такъ склоненъ, напримѣръ, петербургскій мастеровой или русскій мужикъ...

VIII.

Золотая безпеременность.

Въ дорогѣ, сидя одинъ на одинъ въ тарантасѣ и скучая вѣсть всякими неудобствами путешествія, сблизиться очень не трудно. Несмотря на то, что мой спутникъ былъ большимъ флегматикомъ, мы не могли всю дорогу спать и молчать. Порой Иванъ Михайлычъ даже оживлялся, въ особенности, когда дѣло касалось золотопромышленности. Онъ былъ того мнѣнія, что золотопромышленность падаетъ въ настоящее время, именно благодаря давно устарѣлымъ законамъ, выдуманнѣмъ, не сообразуясь съ мѣстными условіями, петербургскими чиновниками, не знавшими, что за люди живутъ отъ нихъ за пять тысячъ верстъ въ Сибири, не знавшими ни условій тамошняго быта, ни даже характера самой природы. Кромѣ того, въ полстолѣтія, со дня изданія положеній о сибирской золотопромышленности, уже очень много измѣнилось въ Россіи и не могло не измѣниться въ Сибири. Въ то время, какъ въ Россіи признанъ уже вреднымъ принципъ крѣпостнаго права, въ операціяхъ сибирской золотопромышленности, которыя предоставлены въ эксплуатацію привилегированныхъ сословій, принципъ этотъ господствуетъ вполне. Какой бы богатый приискъ я ни открылъ, но, если я не принадлежу къ этому сословію, я не могу его разрабатывать,

укрѣпляетъ зубы, такъ какъ всѣ сибирячки вообще отличаются прекрасными бѣлыми зубами, которые до старости сохраняютъ, не слыша ни о какихъ зубныхъ боляхъ. Искусство щелкать маленькіе кедровые орѣхи доводитъ ими до тонкости; такъ, напримѣръ, взявъ въ ротъ цѣлую горсть орѣховъ, онъ умѣетъ щелкать ихъ, выбрасывать скорлупу и съѣдать ядро при помощи эквилибристики одного своего языка, безъ содѣйствія рукъ, какъ бѣлки...

даже если бы я имѣлъ на это средства. Мнѣ нужно продать мое открытіе золотопромышленнику за какой-нибудь пустякъ или на зло всѣмъ, какъ это по большей части случается, сдѣлать изъ него бесполезную и для себя, и для другихъ тайну, обыкновенно уносимую въ могилу: «коли неостанется мнѣ, — пусть неостанется никому!» Большая часть сибирской тайги еще неизвѣстна, и случайныя счастливыя открытія могутъ совершаться въ ней каждый день, но и десятой доли ихъ не эксплуатируется, благодаря именно монополіи, дарованной древнимъ закономъ привилегированнымъ классамъ. Нынѣшній золотопромышленникъ живетъ въ Петербургѣ или за границей; онъ не только никогда не былъ въ Сибири, но не видалъ даже шихового золота, и часто вѣрить, что его управляющіе выламываютъ золотыя слитки изъ рѣкъ такъ же, какъ въ Петербургѣ выламываютъ ледъ.

Умершій нѣсколько лѣтъ назадъ золотопромышленникъ С. Ѳ. Соловьевъ (строитель Румянцовскаго или Соловьевскаго сквера въ Петербургѣ) былъ еще опытнѣе другихъ, но когда онъ посѣтилъ Сибирь, съ нимъ случился очень скверный анекдотъ, доказывающій, что золотопромышленникъ столь же мало знаетъ золото, какъ и любой петербургскій нищій, никогда его не видавшій иначе, какъ въ видѣ колецъ, цѣпочекъ и другихъ поделокъ.

Проѣзжая гдѣ-то въ Енисейской губерніи, осенью, по скверной дорогѣ, Соловьевъ захворалъ и принужденъ былъ остановиться въ одномъ селѣ на продолжительный отдыхъ, въ ожиданіи снѣга, чтобы продолжать уже свой путь не на колесахъ, а на полозьяхъ. Мѣстные жида тотчасъ же осадили петербургскаго миллионера съ предложеніями всякихъ товаровъ, начиная отъ сквернѣйшихъ духовъ томской фабрикаціи до «настоящихъ» гаванскихъ сигаръ, издѣлія Федченки въ Барнаулѣ. Ни прыскаться амбрѣ, выдѣланнымъ изъ сивухи съ ладаномъ, ни курить махорочныя сигары петербургскій баринъ, конечно, не пожелалъ. Тогда какой-то догадливый жидъ подѣлалъ къ нему съ совершенно новымъ товаромъ: съ золотыми самородками. Соловьевъ даже изумился: купилъ у одного жида за безцѣнокъ самородокъ въ четверть фунта вѣсомъ, а черезъ часъ ему всѣ жида принесли по самородку, одинъ одного больше. «Куда намъ дѣвать! Купите! Чтѣ дадите, за то и купите!» Самородки, стоящіе, по расчету Соловьева, по тысячѣ и болѣе рублей, ему просто навязывали за двѣ красенькихъ. Обрадованный золотопромышленникъ накупилъ цѣлый мѣшокъ самородковъ на нѣсколько сотъ рублей и началъ даже сомнѣваться насчетъ своихъ управляющихъ: золото въ Сибири оказалось гораздо дешевле, чѣмъ онъ думалъ раньше и какъ ему докладывали. Приѣхавъ въ городъ, онъ встрѣтилъ одного изъ своихъ управляющихъ и не безъ хвастовства, конечно, сказалъ ему о своей покупкѣ и показалъ самородки.

— Оцѣните-ка!

— Рубль, объяснилъ управляющій, чуть взглянувъ на прекрасныя блестящіе камни.

— Что-о-съ? Семнадцать самородковъ!...

— Это—сѣрнистый колчеданъ; его много... Это—не золото, васъ обманули... Такой кусокъ золота долженъ вѣсить не меньше полуторныхъ пудовъ, а тутъ и двухъ фунтовъ не будетъ...

Соловьевъ обидѣлся-было и разгорячился, отстаивая несомнѣнность своихъ самородковъ, но управляющій тотчасъ же доказалъ, при посредствѣ пузырька съ кислотой, что за эти «самородки» не слѣдовало платить жидамъ больше рубля. Сѣрнистый колчеданъ, дѣйствительно, очень похожъ на золотой самородокъ, и даже опытный глазъ не можетъ различить кусокъ такого колчедана отъ самородка; но стоить только взять камень въ руку, и онъ тотчасъ же обличается своей легковѣсностью. Этимъ колчеданомъ надувають многихъ російскихъ чиновниковъ и даже городскихъ купцовъ, мало знакомыхъ съ дѣломъ. Это не мудрено. Но обманутый колчеданомъ золотопромышленникъ, живущій насчетъ операций добыванія золота и незнакомый даже съ главными свойствами этого золота (напр., съ его плотностью и удѣльнымъ вѣсомъ)—фактъ характеристичный.

Незная даже главной причины своего богатства — самого золота, золотопромышленникъ еще меньше, конечно, знаетъ тѣ способы, какими добывается это богатство, т. е. самую операцію приисковыхъ работъ. Эта операція ужасна, и многимъ изъ золотопромышленныхъ тузовъ поперхнулся бы въ горлѣ первый проглоченный ими кусокъ, послѣ того, какъ они узнали бы, что ихъ богатство тысячамъ людей обходится цѣною крови и жизни; что на приискахъ у нихъ есть крѣпостные, которые издыхаютъ отъ кроваваго пота и такого труда, какой не снился ни одному крѣпостному человѣку у самаго жестокаго помѣщика.

Отъ Ивана Михайлыча, а послѣ и отъ другихъ, я слышалъ ужасныя вещи о бытѣ приисковыхъ рабочихъ. Разсказчикамъ лгать было нечего, и они даже имѣли нѣкоторый интересъ представить дѣло въ такомъ свѣтѣ, что бытъ рабочихъ довольно благополученъ. Они сами управляли этими рабочими и устраивали ихъ бытъ. Тутъ же я слышалъ и разсказы рабочихъ о приисковой жизни, могъ все сопоставить и проверить; поэтому я, безъ всякаго преувеличенія, могу сказать, что жизнь каторжника несравненно лучше жизни всякаго приискаго рабочаго.

Въ раннюю осень, когда надо платить подати, по деревнямъ и городамъ разъѣзжаютъ довѣренныя-вербовщики со своими агентами, которые, спаивая народъ по кабакамъ и розыскивая всякихъ бѣдняковъ, манятъ рабочихъ прелестью задатка рублей въ тридцать или пятьдесятъ, который сейчасъ же выдается на руки. Это—важная приманка. Развѣ опытный только и выдавшій виды человѣкъ не пойдетъ на нее...

— Послѣ отработашь! Тебѣ пятьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяцъ... Отработашь!

— Отработаю!..

Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ въ сибирскомъ городѣ, а тѣмъ больше въ деревнѣ, гдѣ хлѣбъ рѣдко доходитъ до гривны за пудъ, а говядина до 30 копѣекъ за пудъ, кажутся всякому капиталомъ, который дѣйствительно трудно прожить даже въ годъ, а тутъ этотъ капиталъ даютъ ему въ мѣсяцъ, при готовомъ содержаніи: тутъ легко можно скопить въ лѣто нѣсколько сотъ рублей, а не то что отработать задатокъ. Чиновникъ пятидесяти рублей въ мѣсяцъ не получаетъ; рѣдкій прикащикъ столько получаетъ, а тутъ даютъ пятьдесятъ рублей простому мужику, да еще съ готовыми харчами! Какой мужикъ не пойдетъ? На этихъ условіяхъ можно увести изъ Петербурга на пріиски чиновниковъ, а не то что сманить бѣдныхъ мужиковъ, вѣчно нуждающихся въ копѣйкахъ и никогда въ глаза не видавшихъ пятидесяти рублевой бумажки... А тутъ ему бросаютъ: «на, получай!» Трудно не соблазниться!..

Получивъ задатокъ, мужикъ поступаетъ съ нимъ точь въ точь также, какъ поступалъ въ Россіи, въ прежнее время, наемщикъ со своими деньгами. Нанявшійся на пріиски мужикъ, какъ и наёмщикъ, зная, что они за деньги продались въ тяжелую кабалу, стараются отвести душу въ настоящемъ насчетъ горькаго будущаго. Деньги безразсудно и безобразно прокучиваются и проматываются. Пропившись и промотавшись, мужикъ зимуетъ дома шесть мѣсяцевъ въ положеніи человѣка, продавшаго чорту душу. Ранней весной за нимъ уже являются... Его присоединяютъ къ партіи и отправляютъ. Служба его считается со дня прибытія на мѣсто, а дорога иногда продолжается до двухъ мѣсяцевъ. Дорогой онъ кутитъ и кутитъ. У него есть услужливый матеріальный (прикащикъ золотопромышленника), который «вѣритъ ему въ расчетную книжку»: у него кусокъ говядины съ кускомъ хлѣба стоитъ восемьдесятъ копѣекъ, а водка продается по невозможной цѣнѣ. Мужикъ сначала ужасается и голодаетъ, но скоро голодъ и утомленіе заставляютъ его пожертвовать восемью гривнами; съѣвши одну порцію, онъ чувствуетъ непреодолимую потребность съѣсть другую... И такъ онъ проѣдаетъ, не дойдя до пріиска еще, рублей пятьдесятъ или шестьдесятъ. Все это вносится въ книжку, и, прійдя на пріискъ, мужикъ уже оказывается должнымъ конторѣ (съ задаткомъ) рублей около ста.

Когда Иванъ Михайлычъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ, онъ вспомнилъ сцену изъ романа Дюма «Графъ Монте-Кристо». Тамъ банкира Данглара, имѣющаго въ своемъ карманѣ пять милліоновъ франковъ, итальянскій разбойникъ Луиджи Вампа грабитъ слѣдующимъ законнымъ образомъ: банкиръ хочетъ пить; за стаканъ воды съ него просятъ двѣсти тысячъ франковъ, онъ ругается и терпитъ, но скоро, по необходимости, отдаетъ деньги и утоляетъ свою жажду. Далѣе онъ хочетъ ѣсть; за котлетку съ него берутъ

пятьдесятъ тысячъ франковъ — и такъ, дня въ три, онъ продаетъ и пропиваетъ у разбойниковъ всѣ свои пять миллионъ франковъ. Съ рабочими у сибирскихъ золотопромышленниковъ происходитъ почти та же комедія, какая происходитъ съ этимъ банкиромъ у итальянскихъ разбойниковъ. Рабочему назначается ни съ чѣмъ несообразно громадное жалованье, но онъ его никогда не получаетъ. На прискахъ онъ, по необходимости, долженъ покупать одежду и обувь, которая портится очень быстро при работахъ, иногда по поясъ въ водѣ, если не считать того, что золотопромышленники нарочно покупаютъ матеріалъ самаго дурнаго качества, чтобы онъ портился скорѣе: покупаютъ нарочно гнилой, лежалый ситецъ для рубахъ и бродни (сапоги) изъ перегорѣлой кожи. Бродни, которыя въ Томскѣ стоятъ рубль, на прискахъ отпускаются рабочимъ въ счетъ по 8 рублей; рубаха изъ гнилаго ситца, нестоющая больше тридцати копѣекъ и рвущаяся ежедневно, отпускается по три рубля; рюмка водки — по цѣлковому...

И какую при этомъ каторжную работу несетъ присковой рабочий!.. Онъ ложится въ двѣнадцать часовъ ночи (подъ осень, въ темныя ночи, до этихъ часовъ работаютъ даже съ фонарями), а въ три уже встаетъ. Отъ начальства золотопромышленнику даны казаки съ нагайками, которые очень хорошо умѣютъ школить лѣнливыхъ или строптивыхъ. Рабочій всегда ѣстъ постное, какую-то гнусную похлебку изъ соленой рыбы, которая, при такомъ громадномъ трудѣ, вовсе не возобновляетъ его силы; онъ голодаетъ, худѣетъ и болѣетъ. Съ большимъ рабочимъ золотопромышленникъ поступаетъ гораздо хуже, чѣмъ самый жестокосердый человѣкъ со своей собакой. Боясь, чтобы рабочий не умеръ на прискѣ, ему отдаютъ паспортъ и выводятъ его подальше отъ приска въ тайгу, предоставляя ему заблудиться и умереть голодной смертью. Бываютъ ужасныя вещи. Отъ очевидцевъ я слышалъ, напримѣръ, что одного рабочаго съ гангреной на ногѣ, истомленнаго болѣзью и голодомъ, нашли живаго еще, на муравейникѣ, объѣдаемаго муравьями: онъ дико вылъ и стоналъ источнымъ голосомъ передъ смертью. Другого, чахоточнаго, отбили отъ волка, который обкусывалъ и глодалъ ему руку въ то время, какъ онъ былъ еще живъ, но не могъ уже подняться съ мѣста, въ окончательной потерѣ силъ отъ усталости, истомленія и голода.

Расчетъ съ рабочими бываетъ коротокъ. Рѣдкій изъ нихъ, проработавъ хуже каторжника шесть мѣсяцевъ, получаетъ рубль или два на дорогу. Большинство остается еще въ долгу контрорь; но паспортовъ великодушно не задерживаютъ за долгъ. Возвращаясь по домамъ, рабочіе часто большими партіями гибнутъ, заблудившись въ тайгѣ. Другіе убиваютъ товарищей, замѣтивъ у нихъ краденое золото, которое проносится по большей части въ поясныхъ туясахъ (берестяныхъ буракахъ) съ водой, грабятъ золото и уходятъ въ тайгу; а потомъ сами погибаютъ съ

*

голоду съ нѣсколькими фунтами драгоцѣннаго металла въ рукахъ, на одну десятую долю котораго они могли не только быть сытыми, но и богатыми.

Вообще золотопромышленность дурно вліяетъ на народную нравственность въ Сибири. Уже давно были предположенія уничтожить эту монополію, отобрать у петербургскихъ золотопромышленниковъ ихъ пріиски и предоставить разработку золота всѣмъ желающимъ. Но противъ этихъ предположеній было высказано мнѣніе, что тогда все сибирское крестьянство кинется на золотопромышленность и оставитъ втунѣ земледѣліе... Въ Петербургѣ это мнѣніе, можетъ быть, резонно; но въ Сибири Ивану Михайлычу оно смѣшно. Теперь разными соблазнами гораздо болѣе отрывается честныхъ людей отъ прочнаго земледѣльческаго труда, людей, которые сами по себѣ не пошли бы на рискъ искать въ тайгѣ золото. Его пошли искать бы только авантюристы селъ и городовъ, которые живутъ теперь грабежами и разбоями. При помощи золотоисканія они бы избавили, во-первыхъ, отъ своего непріятнаго присутствія мирныя селенія, а во-вторыхъ, нашли бы себѣ честный и очень выгодный, хотя и очень рискованный трудъ. Съ другой стороны, этимъ путемъ и Россія могла бы освободиться отъ многихъ жадателей легкой наживы на счетъ своихъ ближнихъ: уѣхавъ наживаться на счетъ сибирскихъ золотоносныхъ песковъ, они оставили бы людей въ покоѣ; многіе изъ нихъ, увлеченные жадой наживы, конечно, погибли бы въ тайгахъ, но нѣкоторые нашли бы счастье и принесли бы пользу.

IX.

Маленькіе арестанты.

— Все это дѣло идетъ на свонъ-тараты! говорилъ мнѣ Иванъ Михайлычъ о сибирской золотопромышленности. Правительство хлопочетъ, чтобы ни одинъ золотникъ золота не попалъ въ чужія руки, кромѣ кабинета. Для этого и монополія... А что же выходитъ? правительство и половины золота не получаетъ... Нынѣ народъ похитрѣе сталъ. Въ Китай стали чернило возить... Золото въ царской водкѣ растворять и везуть въ бутылкахъ. Таможня—дураки. Видятъ жидкость—значить, не золото. Лучше бы правительству уничтожить эту монополію, да платить за золото хоть немного подороже, чтобы намъ невыгодно было возить его въ Китай... Да что!—до Бога высоко, до царя далеко!..

И дѣйствительно, золотопромышленная монополія не приноситъ никакой пользы казнѣ, только развращаетъ народъ и заставляетъ мелкихъ золотопромышленниковъ прибѣгать къ плутнямъ. Ниже читатель увидитъ, что и сами золотопромышленники, какъ

ни эксплуатируютъ они рабочихъ, отдавая часть барнаульскимъ чиновникамъ, не имѣютъ особенно большихъ барышей. Все мало-мальски осмысленное населеніе Сибири очень возмущается этой монополіей. Чего бы, кажется, проще устроить вольную разработку золота и продажу его въ шлихъ кому угодно. У всѣхъ скупалъ бы золото, можетъ быть, тотъ же Напшинскій и везъ бы его въ шлихъ въ Петербургъ. Сплавъ въ Сибири сопровождается такими расходами, что эти горные заводы (Алтайскіе, Иркутскіе и др.) давно потеряли право на существованіе. Многіе пріѣхавшіе въ Сибирь безъ переломленнаго гроша, имѣютъ теперь милліоны, заводы, фабрики и репутацію честныхъ людей въ Петербургѣ, гдѣ они тратятъ нажитыя на Алтаѣ или Акатуѣ милліоны.

Уже подъѣзжая къ Барнаулу, я увидѣлъ всѣ признаки крѣпостническаго порядка. Въ прежнее время, крестьяне, населяющіе барнаульскій округъ (Сперанскому почему-то вздумалось уѣзды въ Сибири называть округами), были заводскими крѣпостными. Деморализація народа, освобожденнаго въ настоящее время отъ подневольной работы, не минула и новаго поколѣнія. Горныхъ чиновниковъ боятся, какъ огня, а нѣкоторые мировые посредники обираютъ напуганный народъ съ безцеремонностью засѣдателей Гагаринскихъ временъ. Одинъ мировой посредникъ собиралъ, на примѣръ, въ свою пользу правильно установленный налогъ: съ бабы по курѣ, съ ребенка, который не ходитъ — два яйца, съ ребенка, который ходитъ, — пять яицъ, съ мужика — рубль деньгами... И ему давали безпрекословно, а кто не имѣлъ чего дать, тѣхъ онъ публично сбѣлъ розгами, сбѣлъ даже грудныхъ дѣтей на глазахъ матерей, которыя не имѣли двухъ яицъ для отдачи посреднику.

Недалеко отъ Барнаула, на одной станціи, на примѣръ, мы встрѣтили цѣлую толпу мальчиковъ-гимназистовъ, окруженныхъ толпою мужиковъ, которые бунтовали и кричали, а посреди ихъ стоялъ казакъ и урезонивалъ ихъ въ чемъ-то, высоко поднимая и махая надъ своей головой клочекъ бумаги, едва замѣтный въ его огромной рукѣ.

— Это иминазисты, а не арестанты! кричали мужики.

— Арестанты! кричалъ казакъ. — Кто вы такіе? Пусть они сами скажутъ, кто они такіе!

— Мы — арестанты! кричали гимназисты.

— Зачѣмъ они при формѣ? это иминазисты!..

— Нынѣ арестантамъ новая форма... Какіе это иминазисты въ такой формѣ? Это — арестанты! Вы невидѣли, вѣрно, арестантовъ... Имъ всѣмъ новая форма вышла... Вы думаете, ростомъ малы? Они — поляки. Поляки всѣ малы ростомъ. Ихъ молодыми ссылаютъ! Они — поляки... надрывался и горячился казакъ.

— Мы — поляки! подтверждали гимназисты.

— Чтò это такое, Иванъ Михайлычъ? спросилъ я моего попутчика.

— Безбожное дѣло!.. Это — дѣти барнаульскихъ чиновниковъ; они учатся въ томской гимназіи; ѣдутъ къ родителямъ на вакацію. — Народецъ!.. У другого миллионы награблены, а онъ не жалѣетъ вонъ и сына родного арестантомъ сдѣлать, чтобы только не заплатить какихъ нибудь шести рублей прогоновъ. — Варнаки, язви ихъ! ¹ Здѣсь вы еще не этакихъ дивъ насмотритесь... Здѣсь особое мѣсто, какъ эльдорадо какое...

И дѣйствительно, я скоро имѣлъ много случаевъ убѣдиться, что нахожусь въ особой странѣ, гдѣ человѣку въ форменномъ сюртукѣ можно жить рѣшительно безъ употребленія денегъ: получать все для себя нужное даромъ. Этой даровщиной пользуются не только для себя, но и для другихъ, ради услуги. Такъ, послѣ мы встрѣтили семинариста, развеселаго молодого человѣка, окончившаго курсъ и готовящагося къ посвященію. Отецъ его былъ попомъ въ Барнауль, и онъ объѣздилъ уже весь округъ съ казакомъ, по казенной надобности, розыскивая невѣсту и отдавая визиты роднымъ и знакомымъ священникамъ на разныхъ рудникахъ, заводахъ, по селамъ и городамъ. Крестьяне его безпрекословно принимали за арестанта; также добродушно они провезли бы и гимназистовъ, не выражая сомнѣній, что они — арестанты, если бы тутъ злоупотребленіе не перехватило за границы терпимости: казакъ, везя гимназистовъ въ несоразмѣрномъ множествѣ, требовалъ, вмѣсто одной подводы, четыре. Это ужъ было слишкомъ. Впрочемъ, поспоривши и поругавшись, мужики все-таки дали лошадей, и увезли гимназистовъ...

X.

Барнаулъ.

Подѣзжая къ каждому сибирскому городу, почти всегда надобно переплывать большую рѣку на паромѣ и испытывать при этомъ много суеты, возни, а часто и непріятностей: всякому хочется перебраться за рѣку раньше; паромовъ очень мало, и оттого тому, кто побѣднѣе да по смиреннѣе, приходится иногда съ полсутокъ, а то и дольше, жить на берегу въ ожиданіи переправы. Около всякаго перевоза есть кабакъ или харчевня, въ которыхъ обыкновенно коротаются скучные часы въ ожиданіи паромъ, рассказывая другъ другу всякія исторіи и неизбѣжно ругая «россійскихъ чиновниковъ».

Барнаулъ стоитъ на горѣ и издали очень хорошо виденъ. Дорога къ нему идетъ черная, какъ чернила. Это — отъ угля. На

¹ «Язви-тъ», «язви его», «чтобъ тѣ язвило» и проч. въ Сибири употребляется не какъ ругательство, а какъ восклицаніе самаго разнообразнаго значенія, соответствующаго русскому «чортъ поberi» или французскому «parbleu».

заводъ ѣдутъ цѣлые обозы коробовъ, похожихъ на громадныя черныя гробы въ сажень вышиною — съ углемъ. Во дворѣ барнаульскаго завода насыпаны цѣлые горные хребты этого угля, вышиною въ четырехэтажный домъ и длиною иногда въ полверсты. И все возить новый уголь... старый, навезенный лѣтъ сто тому назадъ, лежащій внизу, надо думать, уже негоденъ... Благодаря этимъ горамъ угля, едва ли нужнаго въ такомъ огромномъ размѣрѣ для завода, лѣса около Барнаула жестоко истребляются. Строевыя деревья безжалостно рубятся и сжигаются въ большихъ ямахъ на уголь; сучья и верхи бросаются. Кромѣ этого, огромный сосновый лѣсъ, около Барнаула, на нѣсколько сотъ верстъ выгорѣлъ, благодаря, вѣроятно, именно неосторожному обращенію съ огнемъ при выжиганіи угля. Страннѣ всего то, что на Алтай давно уже открыты громадныя залежи каменнаго угля, которые находятъ невыгоднымъ эксплуатировать, по той причинѣ, что мелкое начальство отъ древеснаго угля издавна привыкло скапливать и класть въ карманъ по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ: на такіе доходы отъ каменнаго угля не надѣются. Одинъ инженеръ, человекъ, вѣроятно, довольно честный, написалъ проектъ о разработкѣ каменнаго угля: но ему пришлось испытать столько придирокъ и непріятностей отъ мѣстнаго начальства и даже женщинъ, которыя не хотѣли, напр., танцевать «съ прожектёромъ», что онъ, опустивъ руки, началъ пить горькую и кончилъ тѣмъ, что застрѣлился, видя полную невозможность прати противъ рожна. Такъ и до сихъ поръ жгутъ лѣса и возятъ на барнаульскій заводъ древесный уголь... Отъ него идетъ черная пыль; дороги черныя, и даже придорожныя березы загрязнены имъ до того, что сдѣлались темно-сѣрыми... Въ Барнаулѣ всѣ улицы черныя. Это уже не отъ угля, а отъ заводскаго шлака, который вывозятъ съ завода на улицы; онъ выглядитъ кусочками чорнаго стекла. Многіе наибогатѣйшіе дома выкрашены въ Барнаулѣ черной краской; они, говорятъ, построены на манеръ англійскихъ коттеджей, такъ что верхній и нижній этажъ составляютъ одно жилье, въ которомъ есть и баня, и билліардная, и библіотека. Внутри этихъ домовъ я былъ послѣ, но снаружи они мнѣ показались истинно роскошными и прелестно уютными. Посреди черной краски, какъ-то особенно тепло глядѣли большія окна съ чистыми стеклами. Маленькій городокъ былъ очень роскошенъ; я не воображалъ себѣ такимъ даже голландскаго города негоціантовъ, Брука, гдѣ на улицахъ есть паркетъ и гдѣ никто не ѣздитъ въ экипажахъ. Засмотрѣвшись, я не хотѣлъ слушать остротъ Ивана Михайловича надъ преобладаніемъ въ Барнаулѣ чорнаго цвѣта.

— Это—цвѣтъ горнозаводскихъ дѣлъ!.. Полюбите черненькими, а бѣленькими всякій полюбитъ... и проч., и проч.

Я никогда въ жизни не видалъ такого маленькаго роскошнаго города. Нетолько избушекъ, но даже деревянныхъ устарѣлыхъ домовъ было рѣшительно не видно: все глядѣло новымъ,

съ иглочки. Блестящія стекла, блестящая мѣдъ на оконныхъ рамахъ и дверныхъ ручкахъ и эта блестящая черная краска на стѣнахъ домовъ дѣлали улицы рѣшительно парадными.

— Милліонами ворочаютъ—еще бы, говорилъ Иванъ Михайловичъ.

XI.

Золотое дѣло.

Мы остановились съ нимъ вмѣстѣ. Утромъ, когда намъ подали чай и шипящіе блины и пряженники на сковородахъ, Иванъ Михайловичъ попросилъ меня запечатать конверты. Всѣ конверты были съ деньгами, безъ всякихъ писемъ. Гдѣ запечатывалось двѣ сторублевки, гдѣ — одна, гдѣ — пятидесятирублевка, гдѣ — три двадцати пяти рублевки, гдѣ — одна, гдѣ — красненькая, а гдѣ и синенькая. Вышла цѣлая гора пакетовъ, и я очень жалѣю, что не сосчиталъ тогда общую сумму...

— Кому это три рубля? спросилъ я, запечатывая послѣдній пакетъ.

— Кочегару. Тутъ всѣ отъ мала до велика берутъ...

— Да за что же давать кочегару?

— Не дайте! Онъ устроить такой бенефисъ, что при сплавкѣ горшковъ лопнетъ... ну, и собирайте золото!

— Это ужъ слишкомъ!..

— Не слишкомъ, а безъ малаго... Ышьте блины-то!.. хорошіе, жирные; макайте въ масло... Это — дѣло простое. Объ благополучіи рабочихъ заботятся до того, что они совсѣмъ голы остаются... И жалъ ихъ, да что подѣлаешь?—Если бы предоставили такъ, что зубами, али лопатой рой; въ машинѣ, али во рту промывай; мнѣ все равно, представляй только золото и получай за него деньги—тогда бы рабочему не въ примѣръ лучше было... А то на этихъ наблюдателей, чтобъ онъ счастливъ былъ—все его добро идетъ... Оттого пріисковый рабочій и зовется несчастненькимъ, что ужъ очень много заботятся о его счастіи. Этимъ и возмущаться нечего!.. Дѣло простое!.. Кушайте пряженники: хорошіе, жирные!.. «Теперь мы сдаемъ золото... что его стоитъ сдать благополучно? Тысячи? Теперь его повезутъ—опять тысячи!.. Золотопромышленникъ, вотъ хоть бы нашъ Ѳедоръ Степановичъ, выпилъ въ лѣто на пріискахъ съ разными чиновниками три тысячи бутылокъ шампанскаго. ¹ Это надо покрыть... А съ кого покрыть?—съ рабочаго!

¹ Это — фактъ. Великому множеству выпиваемаго шампанскаго въ Сибири уже давно удивлялись по цифрамъ; въ прекратившейся газетѣ «Вѣсть» было высчитано, что, если гр. Воронцовъ, производитель винъ изъ крымскаго винограда, пуститъ въ Сибирь весь столѣтній запасъ своего производства, то

Цѣна золоту въ казнѣ стоять одна: три съ полтиной... Двадцать лѣтъ назадъ, когда чиновнику можно было дать синенькую, пудъ говядины купить за гривну, а цѣлаго быка за три рубля, когда лошади по три рубля продавались, золото стоило три рубля съ полтиной. И теперь три рубля съ полтиной, когда чиновнику нельзя дать меньше сотенной, когда онъ не сталъ пить водки, а требуетъ шампанскаго, когда пудъ говядины стоитъ сорокъ копѣекъ, а быкъ десять рублей, рабочему мало остается и, когда цѣны на чиновниковъ да быковъ еще поднимутся, онъ совсѣмъ будетъ нагишомъ ходить!.. Золотопромышленникъ своего не упуститъ. Онъ прежде триста тысячъ въ годъ получалъ—давай ему ихъ и теперь: теперь и для него все стало дороже. Онъ своего не упуститъ! А золото все по старому принимаютъ по три съ полтиной... Чтобы добыть что-нибудь, надо прижать рабочаго. Управляющій, который затратилъ сто тысячъ, да не нашелъ золота на четыреста тысячъ—худой управляющій. Поневолѣ жмешь сокъ изъ людей и лошадей... Я очень люблю лошадей... Они всѣмъ дышатъ на прискѣ въ лѣто; людямъ не лучше. Если они не издыхаютъ на самомъ прискѣ, издыхаютъ, воротившись домой. Всякій ужъ непременно выносить цыngu. Хорошо, что изъ Россіи присылаютъ сюда каждый годъ нѣсколько тысячъ народа, а то, изъ-за присковъ, здѣсь всѣ бы давно вымерли: голая бы земля осталась... Крестьянъ у помѣщиковъ отняли. Что бы у золотопромышленниковъ приски отнять, сдѣлать свободную золотопромышленность! а то вѣдь теперь рабочій въ тайгѣ хуже крѣпостнаго: его заставляютъ работать восемнадцать часовъ въ сутки и работать такую работу, передъ которой паханье земли покажется шуткой: онъ стоитъ по поясъ въ водѣ и вынимаетъ со дна ежеминутно по пуду песку на своей лопатѣ. Онъ въ тысячу разъ хуже каторжнаго. Его нанимаютъ съ цѣлью, чтобы онъ здохъ на работѣ. У помѣщиковъ отняли крестьянъ. Кто владѣлъ справедливѣе: помѣщикъ ли крестьянами, или золотопромышленникъ?.. Вотчины и помѣстья давались за заслуги, хотя бы въ танцахъ. Онъ танцевалъ и вытанцовалъ пятьсотъ душъ. Онъ умѣлъ танцевать. Я уважаю это искусство, потому что никакъ не могъ выучиться танцевать... За что же получилъ свой прискъ хоть нашъ Федоръ Степановичъ? Трудился онъ, былъ хоть онъ разъ въ Сибири? Танцевалъ? Нѣтъ! Ему все обдѣлалъ Мошаровъ ¹. Это былъ собака, а не чело-

эту громаду сибирскіе золотопромышленники выпьютъ въ одинъ годъ; поэтому (доказывалось въ статьѣ) намъ никогда не обойтись безъ заграничныхъ винъ, и какъ бы ни была успешна выдѣлка крымскихъ винъ, ихъ не хватитъ даже на одну Сибирь.

¹ Лицо историческое. Всѣ богатѣйшіе приски въ Сибири открыты имъ. Онъ умеръ въ крайней бѣдности, будучи разбитъ параличемъ и безпріютенъ, даже безъ необходимой одежды: одни говорятъ, что онъ умеръ буквально съ голоду; другіе увѣряютъ, что онъ просто замерзъ въ своей одинокой лачугѣ, которую

вѣкъ: онъ чутьемъ узнавалъ, гдѣ золото, и, какъ всякая охотничья собака, предоставлялъ плоды своихъ открытій охотникамъ: ничѣмъ не пользовался самъ. Хуже. Когда собака затравливаетъ зайца, ей бросаетъ охотникъ ножки. Ему и этого не бросили: съ голоду умеръ... А Ѳеодоръ Степановичъ? Чтò онъ сдѣлалъ? Послалъ изъ Петербурга управляющаго, далъ ему кредитъ... Тотъ нанялъ рабочихъ, началъ работать... и вотъ миллионы рости начали; на пріискахъ по три тысячи бутылокъ шампанскаго стали выпивать... И легко имъ и хорошо. А если рабочіе ругаются, такъ они поругаются, да и перестанутъ... Дай мнѣ силу да власть, такъ я бы сейчасъ по боку всѣхъ этихъ золотопромышленниковъ, и всѣ эти горные заводы, и всѣхъ этихъ инженеровъ: пусть идутъ, коли они что-нибудь понимаютъ въ горномъ дѣлѣ, и сами, по волѣ, а то и по найму, работаютъ... развѣ только сумасшедшій найметъ ихъ, впрочемъ... Ну, коли никуда негодны—пусть, не въ убытокъ государству, по міру ходятъ! Впрочемъ, не пойдутъ: вдосталь наворовано. Дальше... я бы сдѣлалъ свободную торговлю золотомъ, безъ боязни, что оно уйдетъ за границу: и теперь оно уходитъ... Дальше! безъ боязни, я уничтожилъ бы всѣ казенные заводы, а сплавъ сдѣлалъ бы въ Петербургѣ... Такъ что, если правительству угодно покупать золото, оно бы покупало его въ шлихѣ, въ казначействахъ, по вѣсамъ съ удѣльнымъ вѣсомъ... покупало бы на свободной конкуренціи, а не по сто лѣтъ назадъ навсегда установленной платѣ... Мы бы тогда вздохнули... Мы бы не стали ѣздить въ Барнаулъ, да развозить эти пакеты. Мы бы продали всѣ одному какому-нибудь комиссіонеру: онъ бы одинъ, накупивъ пудовъ двѣсти, свезъ его въ Петербургъ... И больше было бы золота... не уходило бы оно черезъ жидовъ за границу, по дешевой цѣнѣ.

— А развѣ уходитъ? въ видѣ реплики сказалъ я разгоряченному и разораторствовавшемуся Ивану Михайловичу.

— А спиртоносы, а всѣ эти жида, чтò скупаютъ золото на пріискахъ отъ рабочихъ?..

— Какіе спиртоносы?

— Люди ѣздятъ. Станутъ около пріиска на горѣ со своимъ спиртомъ... револьверы у нихъ, и казаки съ ними ничего подѣлать не могутъ. Рабочій съ пріиска тащитъ къ нимъ золото, а отъ нихъ спиртъ беретъ. А куда это золото дѣвается—Господь его знаетъ!

нечѣмъ и некому было топить, такъ какъ разбитый параличемъ, не могшій уже открыть ни одного пріиска человѣкъ не былъ никому нуженъ, и его всѣ оставили. Мошаровъ открылъ пріиски, которые даже теперь, уже въ истощенномъ видѣ, могутъ быть оценены только сотнями миллионовъ рублей. Кто писалъ о золотопромышленности, тотъ непременно писалъ о Мошаровѣ. Объ немъ есть даже упоминаніе въ «Запискахъ золотопромышленника», гдѣ авторъ не жалѣетъ розовыхъ красокъ для золотопромышленниковъ, но и онъ не могъ удержаться, чтобы не сдѣлать имъ легкаго упрека за Мошарова.

XII.

Сдача золота и сплавъ.

Сплавъ долговъ. Въ золотомъ отдѣленіи по ночамъ занимаются канцелярскіе (конечно, за плату отъ золотопромышленниковъ: всѣ эти канцелярскіе, стоящіе около золота, получаютъ такое мизерное жалованье, что курамъ на смѣхъ, и живутъ только на счетъ подачекъ отъ золотопромышленниковъ), но не успѣваютъ. Каждому довѣренному поскорѣ хочется раздѣлаться съ Барнауломъ, получить деньги и уѣхать.

Сплавъ происходитъ съ нѣкотораго рода церемоніей, въ присутствіи горныхъ чиновниковъ, инженеровъ и постороннихъ зрителей. Въ плавильной очень жарко, такъ что, если бы я зналъ это, ни за что бы не пошелъ, тѣмъ болѣе, что непріятность отъ жара вовсе не выкупается красотой зрѣлища: огненная струйка расплавленного золота скатывается по жолобу въ форму очень быстро, такъ что и смотрѣть тутъ собственно нечего. Иванъ Михайловичъ меня предупредилъ объ этомъ, но все-таки съезъ на заводъ. Если говорить правду, такъ это—какое-то безобразіе, а не заводъ. Онъ занимаетъ огромную площадь, на которой легко могутъ помѣститься двѣ большихъ деревни. Тутъ есть много каменныхъ зданій, стоящихъ другъ отъ друга на полверсты; тутъ есть горы угля; есть для чего-то плотина; есть горы шлаку («соковины», какъ здѣсь называютъ); есть горы руды, которыя лежать уже не одно десятилѣтіе. Въ какой каменный домъ вы ни взойдете, вездѣ увидите мастеровъ.

— Чтò здѣсь?

— Столярня... Инженерамъ мебель дѣлають...

— Чтò здѣсь?

— Портные... Инженерамъ шьемъ...

— Чтò это? кузница?

— Экипажи инженерамъ дѣлаемъ...

— Чтò это? кирпичный заводъ?

— Инженерамъ кирпичъ дѣлаемъ...

— Чтò это?

— Стекланный заводъ. Стекла для инженеровъ льемъ: они литыя стекла любятъ...

— Гдѣ же золото плавять?

— А вонъ!

И вамъ указываютъ на какую-то конурку... А всѣ эти мастера: слесаря, столяры, кузнецы, портные, стекольщики—всѣ они числятся золотоплавильщиками. Мало! Когда мы осматривали заводъ, мы зашли въ большой домъ, гдѣ стояли коровы въ числѣ сорока или пятидесяти головъ.

— Что такое?

— Сыроварня...

— И варится сыр?

— Нѣтъ, покуда... Управляющій вѣтелъ... Кишку телячью спускаемъ, а ничего не выходитъ. Выбрасываемъ. Хотѣлъ въ Туркестанъ свой сыръ отправлять. А вотъ не выходитъ! Сыръ варить, это—не щи варить!..

Горные инженеры - аристократы сколько я ихъ ни видалъ, мнѣ очень не понравились. Они слишкомъ ужъ похожи на воронъ въ павьихъ перьяхъ: вышедши изъ поселщиковъ, трудно корчить родовитыхъ дворянъ, въ особенности не имѣя общаго образованія. Они какъ-то низко заносчивы: иной фамилии своей подписать безъ ошибки не можетъ, а туда же говорить: «бонжуръ», когда ему откроешь портсигаръ... Инженера я не могу представить себѣ иначе, какъ человѣкомъ съ мокротой на красныхъ ноздрахъ большого мягкаго носа, съ отвислыми слюнявыми губами, съ холодными потными руками, на пальцахъ которыхъ всегда обкушены ногти, и съ ногами, съ болшущими ногами, отъ которыхъ на полверсты пахнетъ вонючимъ потомъ... Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что этотъ человѣкъ въ вѣчно мокрыхъ перчаткахъ и мокрыхъ и вонючихъ отъ пота сапогахъ, считаетъ себя образцомъ галантности и галантерейности. Награбившись въ Сибири, онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, и даже съ привезенными миллионами, играетъ тамъ очень жалкую роль: я не говорю о бывшихъ барнаульскихъ инженерахъ, которые все-таки вышли въ люди... Я говорю о прочихъ... Это—родъ... Сынъ инженера—инженеръ, его сынъ—инженеръ... Инженеры между собой непремѣнно родня, и всѣ они очень похожи другъ на друга, какъ по наружности, такъ и по нравственнымъ инстинктамъ.

Я не могу забыть того инженера, которому представлялъ меня Иванъ Михайловичъ: ободы глазъ его розовы и мокры, ноздри его носа были розовы и мокры, губы его были розовы и мокры, руки его были розовы, мокры и холодны, какъ ледъ.

— Политическій? ухмыляясь, спросилъ онъ и тотчасъ же объявилъ, что отправить меня съ караваномъ въ Петербургъ.— Только караванъ пойдетъ не скоро, мѣсяца черезъ полтора.

Я былъ очень благодаренъ.

Иванъ Михайловичъ, выйдя за мной, напротивъ разразился плевками и ругательствами.

— Тридцать рублей взялъ!

— За что?

— Чтобы васъ въ Петербургъ доставить...

Я смутился и тотчасъ же предложилъ Ивану Михайловичу деньги.

— Охъ, подите вы къ чорту! Тутъ о деньгахъ я, что ли?.. Я не то!.. Я чувствительно ему росписалъ ваше положеніе. А онъ, російскій прохвостъ, развѣ можетъ понять? «Это, говорить, бу-

дѣтъ стоить пятьдесятъ рублей». Я и пошелъ... «ну, говорить, сорокъ». Я иду. «Ну, говорить, тридцать». Ёшь, собака!.. За васъ отдано... Не сумлевайтесь...

— Такъ вы возьмите деньги...

— Подите къ чорту!

XIII.

КАРАВАНЪ.

Караваны съ золотомъ отправляются изъ Барнаула въ Петербургъ разъ пять въ годъ. Къ этому надо было ужъ кажется привыкнуть. Несмотря на то, предъ каждой отправкой каравана волнуетъ почти весь городъ. Кого назначать съ караваномъ? Въ качествѣ сопровождателей ѣдутъ множество чиновниковъ. Золото—металлъ драгоцѣнный, и, сверхъ множества чиновниковъ, его сопровождаютъ еще до дюжины солдатъ. Поѣздка съ караваномъ въ Петербургъ, въ столицу, о которой рассказываются всякія чудеса въ этомъ далекомъ краѣ, въ столицу, гдѣ есть каменный мостъ въ три четверти версты, гдѣ есть дома въ четыре и пять этажей, гдѣ есть окна съ такими большими стеклами, которые по одному вставляются въ окно, безъ рамъ, гдѣ есть такіе театры, въ которыхъ пляшутъ отертыя полунагія женщины, въ столицу, гдѣ есть множество всякихъ невиданныхъ рѣдкостей и неиспытанныхъ удовольствій, поѣздка въ эту столицу, а въ особенности на казенный счетъ, не можетъ быть не заманчивой, даже помимо корысти. Такъ всякій петербуржецъ съ радостію проѣхался бы на казенный счетъ въ Парижъ. Но удовольствіе барнаульскаго чиновника, отправляющагося съ караваномъ—большее. Приѣхавши въ столицу на казенный счетъ, даромъ, онъ получаетъ всегда изъ казны еще столько денегъ, что обыкновенно украшаетъ всѣ пальцы своихъ рукъ брилліантовыми перстнями, вѣшаетъ на грудь золотую цѣпочку, заказываетъ у Альванга три или четыре чемодана платья, не считая того, что онъ можетъ сорить деньгами въ Петербургѣ до полнаго просыщенія: бросать десятки рублей съ большею легкостію, чѣмъ плевать или сморкаться. Отправиться съ караваномъ—большое счастье, и волненіе передъ отправкой всякаго каравана очень естественно. Чиновники хлопочутъ, интригуютъ, просятъ, надоѣдаютъ, даютъ другъ другу отступнаго!..

— Нынѣ дивиденты (доходъ отъ сопровожденія каравана) стали меньше...

— Теперь, говорятъ, какая-то Шнейдерша тамъ, въ Петербургѣ...

— Охъ, кабы мнѣ съ караваномъ!

— Охъ, кабы мнѣ съ караваномъ!

Доходы от каравана, дѣйствительно, стали меньше. Въ Россіи устроились желѣзныя дороги, по пустыннымъ прежде сибирскимъ рѣкамъ начали ходить пароходы. Долгое время горное начальство не обращало на эти нововведенія никакого вниманія: золото, для выгодъ караванныхъ начальствъ, возилось на лошадяхъ вплоть до Петербурга, причомъ оси, въ отчетахъ, ломались на каждой верстѣ, и за каждую ось, по отчету, крестьянамъ платилось по девяти — двѣнадцати рублей. Выгодно прежде было возить караванъ... Когда въ Петербургѣ выдумали, что золото можно возить по желѣзнымъ дорогамъ, въ Барнауль очень возмутились.

— А вдругъ золото, вмѣстѣ съ поѣздомъ, подъ мостъ провалится?

— Вдругъ паровозъ разобьется!

— Вдругъ поѣздъ съ рельсовъ сойдетъ!

— Нынѣ поѣзды часто съ рельсовъ сходятъ! Чтò тогда, если золото разнесутъ? Золото—драгоценный металл!

Но ужь это было давно. Съ желѣзными дорогами примирились, тѣмъ болѣе, что до Нижняго (ближайшая желѣзная дорога) оставалось весьма достаточное отъ Барнаула пространство, на которомъ можно было изломать такое количество осей, чтобы вышло не въ убытокъ себѣ... Тутъ, къ великому огорченію инженеровъ, выдумалъ кто-то въ Петербургѣ, что золото, хотя и драгоценный металлъ, но его можно возить не только по желѣзнымъ дорогамъ, но и на пароходахъ. Этимъ возмущенъ былъ весь Барнаулъ.

— А вдругъ золото потонетъ!

— Вдругъ пароходъ разобьется...

— Вдругъ паровикъ лопнетъ...

Тѣмъ не менѣе, золото стали отправлять на пароходахъ, снабдивъ каждый ящикъ поплавкомъ... но стали отправлять этимъ способомъ только золото съ частныхъ золотыхъ промысловъ. Казеннымъ золотомъ не рѣшились рисковать. Надобно было, чтобы хотя для немногихъ избранныхъ ломались оси... эти оси пахли тысячами! Такъ и до сихъ поръ казенное золото возятъ на лошадяхъ...

Когда я вспоминаю теперь объ этихъ караванахъ, о множествѣ чиновниковъ и солдатъ, наряженныхъ караулить и беречь драгоценный металлъ—мнѣ становится смѣшно. Мнѣ мерещится вопросъ: что еслибы эти чиновники и солдаты потеряли все золото? (ниже читатель увидитъ, что это очень не трудно), чтò бы съ нихъ взыскали?.. Всякій разсудитъ, что выгоднѣе для правительства было бы имѣть отвѣтственнымъ лицомъ подрядчика съ залогомъ, который могъ бы, хотя отчасти гарантировать цѣлость золота, которая теперь гарантируется только личностью чиновника, а этого слишкомъ мало, если сообразить, что Сибирь—страна разбойническая... Это—счастье, что никому изъ бродягъ до сихъ поръ не приходило въ голову ограбить караванъ,

отъ котораго шайка изъ нѣсколькихъ человѣкъ можетъ поживиться нѣсколькими миллионами рублей. Но, еслибы какіе нибудь негодяи вздумали захватить весь караванъ пудовъ въ 100 золота, то чиновники, конечно, сами бы руками отдали его. Они безотвѣтственны. Если ихъ предадутъ суду, то все-таки есть шансы, что ихъ оправдаютъ: это гораздо легче, чѣмъ подставлять грудь подъ ножъ или пулю разбойника, защищая чужое золото. Они его отдадутъ. Въ этомъ я не сомнѣваюсь. Для чего же они ѣдутъ? Очевидно для того, чтобы наживаться, для того, чтобы побывать въ Петербургѣ, повидать балетъ, поплясать у Марцинкевича или въ другомъ болѣе или менѣе гнусномъ вертепѣ, закупить себѣ глупыхъ колецъ на всѣ десять пальцевъ рукъ, такъ что ихъ нельзя сжать въ кулакъ для того, чтобы ударить въ шею ямщика, обходить всѣхъ знакомыхъ сибиряковъ, въ особенности генераловъ и затѣмъ воротиться домой со славою.

XIV.

Въ дорогѣ.

— Завтра отправляетесь!.. караванъ готовъ!.. объявилъ мнѣ, наконецъ, Иванъ Михайловичъ. Лицо его было грустно.

— Собирайтесь же!.. Дай вамъ Богъ благополучно добраться. Не забывайте насъ, сибиряковъ.. Мы вѣдь тутъ въ лѣсу, ничего не знаемъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ... Ермакъ насъ оглоблей крестилъ... вотъ мы и остались недоучками... Я бѣгалъ по комнатѣ, какъ угорѣлый, не зналъ, за что взяться, хотя мой многосложный багажъ былъ уже давно готовъ.

— Да что вы, батенька, мечетесь-то?.. я ужъ все приготовилъ: вотъ тутъ подорожники, а вотъ эту фляжку вы примите отъ меня на память. Какъ будете изъ нея пить, такъ вспоминайте Ивана Михайловича...

— Спасибо, спасибо вамъ! бормоталъ я, какъ помѣшанный. Въ это время мнѣ хотѣлось плакать и хохотать... отъ радости... Я ничего не могъ говорить, горло сжималось, какъ въ тискахъ...

— Вы не волнуйтесь!.. Это не хорошо!.. Водки выпейте... Успокойтесь!.. Я машинально принялъ изъ рукъ толстяка успокоивающее и до утра проспалъ, какъ мертвый...

Караванъ былъ уже готовъ, когда мы съ Иваномъ Михайловичемъ пріѣхали въ назначенное мѣсто. На длинныхъ дрогахъ прикованы были небольшіе ящики—это золото!.. Такихъ странныхъ экипажей я насчиталъ до двѣнадцати штукъ. Солдаты размѣстились по своимъ мѣстамъ. Помощники караваннаго, три

человѣка, помѣстились въ особыхъ экипажахъ. Это были все молодые люди. Они сіяли; дѣтское нетерпѣніе сквозило въ каждомъ ихъ движеніи, они сидѣли какъ на иголкахъ. Я усѣлся, какъ четвертый подкараванный съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который тоже былъ подкараваннымъ третьей степени.

— Ахъ, Боже мой!.. волновался мой спутникъ, чего они тамъ копаются... Вѣдь ужъ все готово!..

Иванъ Михайловичъ подошелъ къ нашей кибиткѣ. Видно было, что онъ что-то хотѣлъ сообщить мнѣ по секрету. Я на сколько возможно вытнулъ свой корпусъ.

— Боже васъ сохрани, росписываться въ полученіи... Вы не росписывайтесь, когда васъ будутъ просить, у нихъ химическія чернила... Ось изломается на бумагѣ и на бумагѣ ее поправляютъ!.. Смотрите — подальше отъ нихъ... Народъ отчаянный!.. Прощайте же...

Иванъ Михайловичъ крѣпко обнялъ меня, и мы разстались съ нимъ, конечно, навсегда. Явился караванный, въ сопровожденіи толпы знакомыхъ. Ямщики подобрали возжи. Въ толпѣ любопытныхъ послышались пожеланія. Солдатики набожно крестились. Одинъ изъ нихъ, приземистый солдатъ-унтеръ, съ рыжими бакенами и свирѣпымъ лицомъ, что-то говорилъ въ полголоса подошедшей къ нему бабѣ.

— Матри!.. коли, ежели, я что узнаю, то лучше за-живо ложись въ могилу!.. Веди себя...

— Трогай!.. раздалось въ переднемъ экипажѣ.

— Смотри же!.. кричалъ изо всей силы унтеръ оставшейся бабенкѣ. Помни, чтобы дѣло чисто было!..

— Охъ, вы!.. голуби!.. а-ай, ухъ ты!.. раздалось въ воздухѣ. Караванъ тронулся.

— Прощайте, прощайте!.. кричали со всѣхъ сторонъ...

— Забыли, забыли!.. раздался почти подъ ухомъ чей-то знакомый голосъ, и въ нашъ экипажъ влетѣлъ узелъ. Я оглянулся, Иванъ Михайловичъ стоялъ безъ шапки и долго махалъ намъ вслѣдъ платкомъ. Наконецъ этотъ добрый толстякъ, котораго я полюбилъ какъ родного, скрылся въ клубахъ поднявшейся пыли. Я развернулъ узелъ — тамъ былъ чай и сахаръ. Сибирское хлѣбосолецтво и добродушіе навсегда останутся у меня въ памяти.

Караванъ нашъ несея быстро по пустыннымъ сибирскимъ дорогамъ. Мы ѣхали день и ночь благополучно. Аккуратно черезъ нѣсколько станцій у насъ что нибудь ломалось и поправлялось; конечно, не въ дѣйствительности, а на бумагѣ. Все это писалось въ расходъ. Химія нашла себѣ здѣсь примѣненіе въ ужающихъ размѣрахъ. На Уралѣ у насъ оси начали ломаться чуть не на каждой верстѣ (это на бумагѣ), а въ самомъ дѣлѣ то изломалось за всю дорогу двѣ или три — хорошо не помню.

Цѣлую дорогу мой спутникъ не давалъ мнѣ покоя. Петербургъ ему грезился во снѣ и на яву; онъ былъ какъ въ бреду.

На станціяхъ, во время отдыха, около меня собирался весь штатъ помощниковъ караваннаго; все это—народъ еще молодой, только еще начинающій.

— Ахъ, скорѣе бы доѣхать да получить деньги!.. вырывалось у этихъ неоперившихся еще ташкентцевъ.

— А я себѣ непременно куплю бульдога! Въ прошломъ году Загодовичъ ѣздилъ, тоже привезъ бульдога...

— Это еще что?! говорилъ одинъ охотникъ до всего прекраснаго.—Тамъ, говорятъ, что въ балетѣ продѣлывается!.. а на Невскомъ-то, вечеромъ газовое освѣщеніе!.. все это въ бархатѣ, атласѣ... что наша аристократія!.. прищуривъ свои мокрые глазки, страстно говорилъ любитель...

— Скорѣе бы доѣхать, толковали солдатики!..—Просто бока всѣ подвело!.. Порціону никакого не полагается!.. водку пьемъ чуть не десять разъ въ день!.. а взаболъ-то что?.. Тьфу!..

— На то, братъ, служба!.. успокаивалъ всѣхъ роптавшихъ унтеръ.

Этотъ унтеръ зналъ свое дѣло. Онъ только одинъ водку и пилъ, а остальные пили ее на бумажѣ.

— И химею же они тутъ, братецъ мой, разводятъ. Такой, значить, чернилъ есть!.. напишетъ къ примѣру, что вотъ на этой самой станціи подъ насъ тридцать, али тамъ сколько лошадей пошло, и писарь подпишется; получилъ, дескать, такой-то... все есть... а черезъ секундъ—ничего нѣтъ, бумага чиста; пиши тогда хоть сто лошадей—все повѣрятъ, потому подписка отъ писаря имѣется.

— Ну, ну... Эй ты!.. Панковъ!.. кричитъ унтеръ:—матри, языкъ-то даржи покрѣпче!.. то гдѣ нибудь откусишь...

— Я ничего, наше дѣло солдатское!.. а что, значить, про химею говорить—я могу, огрызается съ унтеромъ Панковъ.

— Молчать!..

Я больше всѣхъ боялся за безопасность золота. Бывало, приѣдемъ на станцію ночью, станутъ считать и недосчитаются одного ящика:—ни ямщика, ни золота.

— На каждый ящикъ солдата не посадишь—ругается караванный. Да и гдѣ ихъ взять!.. Ямщиковъ вонъ сколько, а солдатъ-то десять человѣкъ!..

Намъ приходилось иногда сидѣть на станціи часа по три и четыре, дожидаться ямщика съ золотомъ. Наконецъ ямщикъ приѣхалъ.

— Ты... ты... гдѣ былъ? съ пѣной у рта кричитъ караванный.

— Постромки оборвались... хладнокровно отвѣчаетъ ямщикъ. Пускается въ ходъ «химея»—ось изломалась.

При такой перевозкѣ золота, дѣйствительно, нужно только удивляться, какъ оно не подмѣнивается пескомъ или камнемъ. Ямщикъ на ящикѣ сидитъ одинъ; онъ отстаётъ и заставляетъ себя дожидаться четыре часа. Промежутокъ большой, можно

успѣть ловкимъ мошенникамъ, вмѣсто золота, насыпать ящикъ пескомъ или камнемъ.

Съ караваннаго нечего взять, а про помощниковъ и говорить нечего. Попадутъ подъ судъ, можетъ быть, оправдаютъ, а можетъ быть, и погибнуть... За что?.. Золота не сберегли.

XV.

На границѣ.

— Мы въ Европѣ скоро будемъ!.. Вотъ Европа—видите?.. кричалъ мой спутникъ, при видѣ столба съ надписью съ одной стороны: «Азія», съ другой—«Европа».

Сердце какъ-то невольно забилося при видѣ этой границы. Караванный приказалъ остановиться; мы подошли къ столбу, испещренному всевозможными надписями: «Не плачь, Анютка, Иванъ Оедотовъ прошелъ», писалъ какой-то забубенный бродяга своей Анюткѣ. «Братцы, скажите въ Нерчинскѣ Васкѣ Лихому,—Трошка Бѣлоусъ прошелъ благополучно», заказывалъ тоже какой-то бродяга. Мои спутники сочли долгомъ начертать свои имена на европейской границѣ.

Страшна и тяжела уральская дорога!.. Не одна тысяча перешагнула эту европейскую границу за тѣмъ, чтобы навсегда, покинувши родину, не возвращаться уже изъ далекой Азіи. Грустные мысли навѣяла на меня эта европейская граница. Тамъ, въ Сибири—просторъ, богатая природа, изобиліе полное во всемъ, но тяжелый произволъ мелкой чиновной администраціи и кулачества не даютъ вполнѣ подняться и окрѣпить народу, который носить въ себѣ всѣ задатки для будущаго развитія. Недалеко то время, когда рельсовый путь протянется чрезъ всю богатую Сибирь и привлечетъ въ эту всѣми забытую страну лучшіе силы и умы. Сибирь страна еще неизвѣстная. Если были сдѣланы легкія изслѣдованія, то эти изслѣдованія были поверхностныя и носили на себѣ характеръ легкой наживы и безпощадной эксплуатаціи края. Было много и доброжелателей Сибири, которые и имѣли громадныя уполномочія, но и они, при всемъ своемъ желаніи, ничего не могли сдѣлать. Мелкое чиновничество, пріѣзжающее изъ Россіи для наживы, убиваетъ въ народѣ способность къ дальнѣйшему развитію своихъ экономическихъ силъ.

Хайдаковъ.

3-го декабря 1874 г.